

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Шах и Мат

Сыграем в любовь?

НИКТОРИЯ МАЗУРОВСКАЯ

Никтория Мазуровская

Шах и Мат. Сыграем в Любовь?

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Мазуровская Н.

Шах и Мат. Сыграем в Любовь? / Н. Мазуровская — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Выбор – вот, что делает нас свободными. Но так ли важна свобода, когда ты не можешь быть с тем, кем хочешь? Она максималистка по жизни. Либо всё, либо ничего. Он закоренелый циник и реалист. Пришел, увидел, победил... а остальное не имеет значения. Их встреча была неожиданной. Их любовь – мука. Их отношения стали невозможными. Что происходит с жизнями когда Пешка побеждает Короля? Содержит нецензурную брань.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	11
ГЛАВА 2	20
ГЛАВА 3	29
ГЛАВА 4	37
ГЛАВА 5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

ПРОЛОГ

Весна в этом году, выдалась очень холодной и дождливой. Интересная насмешка судьбы или скорей, жизненное совпадение.

Когда-то давно Вика ужасно не любила зимы и отдавала свое предпочтение весне. Когда мир, казалось, просыпается от спячки, начинает играть красками зелень, цветы распускаются и радуют глаз. Солнце греет теплее, свежий ветер приносит долгожданное освобождение от зимних печалей и хлопот.

Теперь весну она стала ненавидеть. Люто. Как февральские морозы и ветра. Интересно получается.

Месяц, который она люто ненавидела в ее родном языке имел именно такое название. Лютый. Февраль.

Теперь еще и апрель к нему в компанию прибавился.

За окном моросил противный мелкий дождь, на участке слякотно и сыро.

И она стояла и смотрела на это.

Тучи серые закрыли собой солнце: ни лучика света не видно. Только серая промозглая темнота.

Прямо как у нее на душе.

Сколько лет она не плакала, – было ощущение, что слезы давно закончились. И даже когда хотелось, казалось, легче от слез станет, – не могла.

А вот сейчас прорвало плотину.

Тихо и без крика, истерики. На них просто не было сил.

Она не могла отойти от окна, чтобы сесть на стул или лечь на пол. Не могла пошевелить рукой и вытереть свои щеки от слез. Не могла пойти и сделать хоть что-то, чтобы прекратилось это поганое ощущение в груди.

Жжение затухающих углей. Вроде не так больно, но только от того, что гореть там уже просто нечему.

Все покрылось золой и пеплом.

Будто умирала медленно, минута за минутой.

Не видела стрелки часов, сумерки за окном, как включился фонарь, реагирующий на движение и отодвинулись ворота.

Она, будто в вакууме находилась, – вокруг не было даже воздуха. Только пустота. Абсолютная.

Раньше она ее боялась – пустоты. Сейчас рада. Пустота станет для нее анестезией, потому что оторвать от себя половину и обойтись без боли – это нереально. Но, в хирургии встречаются ситуации, когда просто необходимо отрезать больше, чтобы не началась гангрена, чтобы не умереть и суметь жить дальше.

Не стала поворачиваться на звук открываемой двери и хозяйские уверенные шаги: Сава всегда был уверен в своих поступках и решениях. Никогда не давал себе слабину или возможности усомниться в правильности своего поступка.

Он ошибся. И за эту ошибку платить придется ей.

– Ты чего в темноте сидишь? – чуть хриплый и настороженный голос проник в каждую клеточку, заставил съежиться и замереть в ожидании.

Саве стоило только зайти в дом и он сразу понял, что с ней что-то не так. Этой мысли Вика улыбнулась. Еще день назад это приводило ее в бешенный восторг: Сава угадывал ее

настроение, он его собственной кожей, казалось, ощущал, знал на вкус ее грусть, ее печаль и радость. Теперь же ничего, кроме пустоты, оберегающей ее же собственный рассудок, не было.

Она вздрогнула, когда чуть холодные ладони прижали ее к крепкому телу, а шеи коснулся жаркий поцелуй.

– Кажется не видел тебя целую вечность, так соскучился! – отросшая за день щетина приятно царапала кожу, и Вика начала дрожать уже отнюдь не от боли. От отвращения на саму себя. Тело реагировало на него. Ей было больно, душа кровавыми язвами покрылась, не успевшими затянуться как следует, а желание в теле возникло сразу... от одного касания, от его губ, от его запаха резкого, но такого родного, от жёсткой щетины, царапнувшей оголившиеся нервы.

– Тебе конверт принесли, – сухо проговорила и оттолкнула его руки от себя. И поворачиваться к нему, лицом, не стала.

Этих слез он не увидит. Не заслужил!

Сложила руки за спиной и сцепила их в замок, кажется до хруста в суставах.

– Конверт?

– На столе лежит, – от плотной бумаги у нее на пальцах остались невидимые, но чересчур ощутимые ожоги, до сих пор подушечки горели огнем, трескались и кровоточили.

– Что происходит? – он резко развернул ее к себе, не обратив и малейшего внимания на тот конверт, – Ты плачешь?

Как бы она хотела сейчас потерять память. Вычеркнуть из своей жизни пять лет лжи. Забыть и не чувствовать никогда этой поганой любви к нему. К его карим глазам, насупленным бровям и этим упрямым губам. Как бы хотела не помнить тепло и ласку его рук, силу его страсти, -доводящую ее до слез,– нежность. Ничего не хотела. Только забыть его навсегда.

– Нет, не плачу, – тихо прошептала, – Я оплакиваю.

Лицо его закаменело.

– Бабушка? – он видимо решил, что кто-то умер.

– Она, слава Богу, в порядке.

– Ты можешь нормально объяснить, что с тобой творится, а не говорить загадками? – этим спокойным тоном он ее пугал больше чем, когда орал. Мороз пополз по коже.

– Не могу, потому что ничего нормального в этой ситуации нет, – резко отрезала.

– В какой ситуации, Вика!? – рявкнул и взял в руки конверт, – Ты читала, что в нем? Кто принес?

Он наконец добрался до сути проблемы, и она не сумела скрыть гримасу боли на лице, отчего Сава дернулся было подойти к ней еще ближе, но она отступила на шаг назад, увеличивая между ними пространство.

– Тебе знакома Шахова Ирина, Сава?

Он не занервничал, не стал оправдываться или извиняться. Только глаза выдавали его с головой, точнее он позволял ей увидеть, что внутри него начала просыпаться буря, что эмоции на какое-то время заволокли и так темные глаза, делая их еще темнее.

Против воли на губах появилась улыбка.

Он не изменится. Упрямый, для этого, слишком.

Она не ждала от него каких-то оправданий или обещаний, но и молчания тоже не ждала.

Сава смотрел на нее и молчал. Может, пытался подобрать слова или собирался с мыслями, хотя поверить в то, что ему нечем себя оправдать довольно трудно.

– Почему ты молчишь? – голос ее звучал жалко и вся она сама выглядела глупо и жалко. Плакала. Позволяла ему видеть, что ей настолько больно.

– Я не знаю, что тебе сказать и не причинить еще больше боли, чем уже есть.

– Может скажешь почему ты мне врал, глядя в глаза, пять лет?

– Я не врал.

– Не врал?

– Я люблю тебя! Тебя и никого другого!

– Ты женат! Сава, ты женат! Ты считаешь это не ложь?

– Это не имеет значения! – он снова приблизился и больше не собирался давать ей шанса на побег, – Послушай, мой брак – это формальность. Я и Ира давно не вместе, еще задолго до встречи с тобой мы перестали жить вместе.

– Ты думаешь этот факт как-то все исправит? Не имеет значения? Для кого? Для тебя?

Наверное, она поцарапала себе ладони ногтями, потому что физическая боль ее отрезвила, всколыхнула, и слезы прекратились.

– Для тебя. Ты моя женщина, что бы ты сейчас не думала по этому поводу, но ты моя. Ни она, ни кто-то другой, а ты.

– Она твоя жена, Сава. Жена. Она твоя, перед законом людским и божьим! А я... лю... лю-любовница, – она хотела бы выплюнуть это слово презрительно, но начала заикаться и заговариваться.

– Не смей! – последний шаг и он оказался рядом, схватил руками и обнял так крепко, как мог позволить себе, – Не смей унижать себя, я тебя люблю, понимаешь?! Никого никогда не любил. Только тебя. Всегда.

Оттолкнула его, испачкала белую рубашку, собственной кровью. Плевать. У него жена есть, стирает.

– Уходи!

– Что?

– Я сказала: уходи!!! – она закричала прямо ему в лицо, не сдерживая себя. Колотила руками, кулаками и кричала «Уходи!».

Только он ее держал крепко. Прижимал к себе, перехватив руки одной ладонью, а второй успокаивающе гладил спину.

Но она не могла успокоиться. Она умирала. Он ее отравил своей любовью, своей близостью.

Никогда не обещал ей жениться. Только всегда быть рядом. Не врал, получается. Это она, дура, поверила ему и разрешила остаться.

– Я не звала тебя в свою жизнь, ты сам пришел, – из нее вырвался хриплый надсадный шёпот, – Но теперь прогоняю. Ты должен уйти, Сава. Отпустить меня!

Они оба понимали, что она говорит не про сейчас, не про сильные любимые руки, покрытые татуировками. А вообще.

Видела это понимание в горящих, яростным огнем, глазах.

– Никогда.

– Не отпустишь, я сама уйду, и ты не сможешь меня удержать!

Оба знали, что она врёт. Она не сможет его отпустить. Как можно вырвать из себя половину и выбросить за дверь? Как можно вытравить его из собственной крови и костей? Если он внутри, под кожей. Если сердце для него бьется?! Она слабая, не сумеет выжить, если от нее останется только половина. И он об этом знает, не уйдет.

Ее подруга Марина всегда говорила: «Мы живем в мире мужчин. В мире, где правят сила и власть. Стоит мужику заговорить и все замолкают, слушают. Женщинам сложнее. Нам нужно добиться уважения. Набраться сил и смелости и заговорить так, чтобы нас услышали. Не кричать. Не орать. Не плакать. А говорить. Показать свой голос.»

Вика собиралась заговорить. Показать свой голос. Обнажиться перед ним полностью, чтобы ОН увидел, какой отвратительной она стала внутри за каких-то пару часов. Чтобы видел вспоротые вены и артерии, кровоточащие язвы, гной. Всю мерзость, в которую превратилась ее душа из-за любви к нему.

– Ты... ты один. У меня был только ты один. Я всегда думала, что могу услышать от тебя правду, не важно, о чем. Но ты всегда говорил мне правду, откровенно, грязно, как есть. Ни отец, ни братья, а ты. Они обманывали меня, все. Но не ты... – ком в горле мешал говорить, глаза жгло от слез, но она даже не пыталась себя сдерживать, вытерла рукавом рубашки слезы, сопلي, размазала остатки помады... тушь тоже потекла отвратительными разводами, но ей все равно уже было, – Я доверяла тебе. Всегда. Во всем. Думала о нас, мечтала замуж за тебя выйти. Дура, да?!

– Я этого хотел всегда. С самого начала хотел, веришь? Жениться на тебе, сделать своей, никогда и ни с кем не делиться твоим вниманием, тобой.

– Сколько лет твоему сыну? – резко бросила в него словами, словно тесаком в него швырнула, – Сколько?

– Ему пять. – мужчина выдавил из себя ответ.

– Пять? Родился значит, примерно, когда мы познакомились, да? Столько лет, Сава, столько лет врать??? Каждый день. Ночь. Каждую минуту врать. Тебе самому от себя не противно?

– Мои слова что-то изменяют? Ответь! Ты ведь уже приняла решение. Поставила диагноз и собралась лечить, так? – Сава начал метаться по залу, кричал, никого не боясь напугать, – Тебе плевать на мои оправдания, ты уже все решила. Тебе же даже легче от этого, так? Тебе со мной жить было намного тяжелее, чем решить, что мы расстаемся!

– Не надо валить на меня все это! Не смей! – Вика тоже не сдерживалась, кричала, шипела на него змеей, но руки прятала за спиной, слишком сильно было желание схватить фруктовую вазу и швырнуть ему в голову, или ножом садануть по груди, чтобы прочувствовал, чтобы понял, как ей больно от его слов, от его вранья.

– Хочешь сказать, я вру? Ты не хотела жить со мной! Ты не хотела спать со мной! Ты не хотела меня любить! – Сава бросался в нее обвинениями, она ведь не хотела отношений с ним, он ее окучивал, уламывал, давил, пока она не поддалась его напору, – Я был тебе не нужен. А сейчас ты нашла весомый повод, чтобы вернуться к прежней жизни. Спокойной. Уравновешенной. Правда? Ты ни разу за пять лет так и не сказала...

– Чего не сказала?

– Что любишь. Так и не сказала. Ни разу.

– А тебе любовь моя нужна? Нужна? Скажи, нужна она тебе? – заорала во все горло.

– Нужна! – решительно дернул ее к себе, прижал, обвил руками, словно канатами к себе ее привязывая, но никакие канаты ее больше не удержат.

Она подняла голову выше, заглянула в темные глаза, где уже зрачок не отличить от радужки, – настолько он перестал себя контролировать, что все читалось в глазах, что по развороту плеч она могла читать его настроение, его эмоции.

Вика знала о нем все.

Не угадывала настроение, вкусы, поведение, следующие шаги.

Она знала. Ощущала под кожей. Сердцем.

Раньше.

А теперь видела глазами. Чувствовала, зажатым в тиски, телом. Лопнувшими, под тонкой кожей капиллярами, на местах которых позже проявятся синяки.

Слышала бешеный пульс его сердца. Видела дрожащую жилку сонной артерии на шее.

– Ты любишь ее? Скажи честно, любишь? – отчаянно зашептала, сглатывая мешающий говорить ком в горле.

Сава наклонился к ней ниже, носом провел дорожку от ушка до виска, вдохнул знакомый родной запах ее духов и волос, напряжённо выдохнул:

– Нет, не люблю.

– Она жена потому что родила тебе сына, а я любовница, потому что не смогла?

Глупый вопрос. Оба об этом знали. Но Вика не могла не спросить, а Сава не мог не понять почему она об этом спросила.

– Нет, не поэтому.

Он смирился. В этот конкретный момент он смирился с ее истерикой. С ее болью. С ее решением.

Помнил, как сейчас, будто вчера все было. И она его предупреждала: с ней может быть только все, или проваливай.

И он выбрал все. Жил с ней на полную катушку каждый день, каждую ночь. Всегда выбирал «все» только с ней, только для нее.

И она, его Вика, его Золотце, выбирала рядом с ним «все». Ломала себя, выстраивая свою жизнь заново, рядом с ним. Жила с ним. Любила его. Молча. Без оглядки. Любила. Он это знал и чувствовал, но сейчас должен был надавить, зацепить чем-то.

Но поздно. По глазам голубым видел, – поздно. Не отступит теперь.

– Я люблю тебя! – она смотрела ему прямо в глаза, в самую душу, своим взглядом вгрызалась, резала его по живому без наркоза, даже, не дав предварительно водки глотнуть, – Я люблю тебя. Я без тебя умру. Сдохну. Но ты не дал мне выбора. Ты сам решил. И я сама решу. Я буду без тебя подыхать, истекать кровью, задыхаться. Но буду делать это. Буду. Потому что ты мне больше не нужен. Ты нужен своей жене и своему сыну. Мне ты больше не нужен!

– А если ты нужна мне?

Прижал ее к себе еще крепче, притиснул, пытаясь слиться с ней кожей, стать одним целым.

– Это не имеет значения, – она качнула головой, уткнулась в его плечо, глубоко вдыхая любимый запах, пытаясь надышаться впрок, чтобы вся им пахла.

Вика не испытывала сейчас ненависти к нему, – ни за обман, ни за любовь его. Она с ним прощалась. Хотела запомнить. Заполнить все свое существо его запахом, ощущением его рук на своем теле, теплом его объятий.

– А что имеет значение, Золотце?

– Ты. Мне. Больше. Не. Нужен.

По слогам сказала. Выделяла каждое слово специально. Ножами ему их в сердце вгоняла по самую рукоятку. И проворачивала. Сердце ему на куски крошила. В фарш перемалывала. Мстила.

Он простоит так еще пару минут, а может, часов. Не скажет ей и слова.

Он принял свою вину. Сам виноват. Сам все разрушил.

Возможно, она его простит, когда-нибудь, а может нет. И тогда этот вечер будет для него последним, когда он пришел в свой дом и держал в руках свою женщину.

Сава вскрыл ее нутро. Своей любовью. Своим присутствием в ее жизни. Вскрыл и перделал так, как ему казалось правильным.

Но забыл. Забыл, что жизнь та еще сука, и все может закончиться.

Сейчас она дала им возможность попрощаться людьми, любящими друг друга. Вика дала им такой шанс, потому что ей самой нужно будет за что-то цепляться чтобы не захлебнуться в своих чувствах, в своей ненависти к нему.

Она будет его ненавидеть. Будет.

И он будет ее ненавидеть. За себя. За любовь. За боль. За все.

А потом ему останется только ждать. Просто ждать.

Поцеловал ее макушку. Еще раз вдохнул свежий аромат духов и нежный запах ее собственной кожи, ее запах.

– Я люблю тебя.

Нехотя, с титаническим трудом разжал руки.

Отошел на шаг.

Еще на шаг.

Отвернулся от голубых стеклянных глаз, полных слез.

Медленно прошел к двери и остановился у прихожей. Столик и его связка ключей на нем.

Спиной чувствовал сверлящий пронзительный взгляд и ее ожидание его действий.

Сейчас Вика не могла предугадать его решение и поступки. Она проехала по нему, как танк, размазала своими словами, сделала больно. Выгнала его. Или он дал ей это сделать?

Смотрела в застывшую каменную спину, обтянутую белой сорочкой и ждала.

Сава звякнул ключами, положил их в карман брюк и вышел за дверь, тихо ту прикрыв.

Взял ключи.

Взял.

Значит он верит, что есть шанс. Что она сможет пережить. Отпустить и начать заново. Опять себя переломает, через мясорубку пропустит и позволит вернуться в свою жизнь.

Ноги занемели, подогнулись и она сползла по стене на пол. Легла, прислонившись горячей щекой к прохладному дереву.

– Я люблю тебя...

Теперь она ненавидела весну.

ГЛАВА 1

Сейчас. 2017 год.

Это очень странно: хоронить кого-то в такой погожий летний день. Очень странно и очень больно. Смерть – это всегда неожиданно, некрасиво и адски больно. Она не выбирает подходящего времени, просто приходит, – и все. Забирает дорогого человека в лучший мир, а может в пустоту или космос, – не важно. Главное, что забирает и уходит, а то, что будет происходить с живыми, с теми, кто остался, ее не волнует. Живые – не ее забота.

Сколько смертей Вика видела, пока училась и работала в больнице. Много, мало?

Люди рождаются и умирают, это совершенно естественный процесс, как и старение людей, увядание растений.

Смерть – это естественно.

Но Вика оказалась к ней не готова. Совершенно. Она бабахнула по ней, сбила с ног, вышибла все мысли из головы.

Ее бабушка, любимая и обожаемая бабушка, умерла. В прекрасный погожий день, когда солнце стоит высоко-высоко и сладко греет воздух, небо голубое и ясное, в кружевах белых облаков. Птицы поют и щебечут.

Отличный день для похорон.

Вика долго не верила. Даже, когда бросила все дела, работу, и примчалась в другую страну, за тысячи верст от дома, не верила. Когда прочитала заключение патологоанатома, не верила. Когда помогала с организацией поминок, звонила в ритуальное бюро и сообщала всем многочисленным родственникам, – не верила.

А сейчас, слушая заунывную речь священника, глядя на толпу абсолютно не важных, для нее лично людей, поверила. Осознала.

Но, почему-то не прониклась горем, не отличала нового оттенка боли в своей душе от потери, а смерть такого человека, как Екатерина Михайловна, это будто смерть целой эпохи и что-то внутри должно было у нее поменяться.

Или она настолько привыкла к страданиям за эти годы, что уже просто не ощущает ничего?

Почему ей не больно?

Грустно и печально, да. Но, почему смерть женщины, которая была ей ближе матери, воспитала ее, не затронула и не сломала ее?

Может, она какая-то ненормальная стала?

Интересная мысль. Но, как-то немного... запоздалая. Очень бы хотелось, чтобы все это было лишь выдумкой воспаленного мозга или сознания, но только реальность может быть настолько жестокой.

Возможно, дело в том, что Вика себя морально готовила к этому дню? Подсознательно понимала, что еще пара лет, и ей позвонят и скажут, что бабушки больше нет?!

Бабуля храбрилась, и по телефону всегда отвечала бодро и весело, но... Ей было восемьдесят пять. Она родила пятерых сыновей, помогла вырастить всех своих внуков, похоронила мужа, с которым прожила шестьдесят лет душа в душу. Она была старой. Ходила с палочкой, и с каждым годом «росла вниз», как сама говорила. Память подводила все больше, а за последние полгода она стала всё забывать, путалась в датах, именах, событиях.

Она медленно умирала, и никто не мог этого изменить.

Поэтому ли ей не больно? Вика, как единственный врач в их семье все понимала, видела и подмечала, готовила себя морально к этому дню, смирялась?!

Твердая и сильная рука брата опустилась на ее плечо, и она подняла на него взгляд. Он тоже храбрился, стиснул зубы так, что желваки заиграли, но подбородок обиженно дрожал, и глаза были полны непролитых слез.

– Пойдем, – он мягко обхватил ее плечи и потянул за собой, но она и шагу не сделала.

– Езжай, Максим, а я еще побуду, мне надо... тут побыть.

Он какое-то мгновение всматривался в ее лицо, что-то искал и пытался увидеть, но, по-видимому ничего не нашел, отпустил ее плечи и отошел на шаг:

– Звони, я потом тебя заберу, ладно?

– Хорошо, – кивнула, – Иди.

И брат ушел, не оборачиваясь. Ему тоже было тяжело смотреть, как могильщики засыпают могилу землей. Невыносимо было ему слышать, как бьются рыхлые комья земли о крышку гроба.

Вика снова опустилась на каменную лавочку возле кованного маленького забора, ограждающего могилы ее семьи от остального старого кладбища.

Вдохнула, впитывая в себя запах цветущих рядом фиалок. Дедушка их очень любил, и бабушка их тут посадила давно. А теперь нужно будет посадить ландыши – их любила бабуля.

Так странно было сидеть и наблюдать, как мужики работают лопатами. И думать совершенно о других вещах.

На нее накатывали воспоминания, но абсолютно другие и неуместные. Правда, останавливать этот поток мыслей и чувств, не могла, а может и не хотела.

Бабуля, наверное, была Викой разочарована и недовольна, хотя и умерла, не зная, что оставляет внучку совсем одну. Так и не нашла в себе сил рассказать бабушке про Саву, что они уже два года, как не вместе. Катерина Михайловна была б от таких новостей в гневе, жутком и очень сильном. Назвала бы Вику курицей глупой, и сказала бы что за «свое» нужно драться, зубами и ногтями рвать. А может быть и не вспомнила кто это такой – Сава, Савушка.

– Я смотрю, как тебя хоронят, а думаю о мужчине, – проговорила вслух, – Надеюсь, ты на меня не сердишься? Хотя, наверное, сердишься. Ты всегда хотела погулять на моей свадьбе и понянчить правнуков. А видишь, как получилось? Точнее, не получилось. И слез нет. Снова не могу плакать. Из-за тебя не могу плакать, а из-за него могу, как так?

Она точно какая-то ненормальная.

Но перед глазами у нее стояла не только что зарытая могила и сырая земля, а совсем другая страна и город, весна и человек... мужчина.

Тогда. 2010 год.

Их встреча была неминуемой. Катастрофой. Армагеддоном. Для ее души и тела. Для нее. Но Вика не жалела о том дне и той встрече. Никогда.

Была весна, начало мая и у нее рвало крышу от своих студентов, от их непроходимого тупизма, и нежелания учиться. А еще от их святой веры в то, что она позволит им сдать все их долги за одну неделю или, того хуже, за один день проставит им минимальный проходной бал в зачетках, и со спокойной душой выпустит на сессию. В этом году ей с первым курсом не повезло. Набор оказался невероятно разочаровывающим, но у нее была радость и гордость, – второй и третий курсы. Отрада для души преподавателя, взлелеянные плоды ее трудов и их желания учиться, становиться специалистами. И все было бы прекрасно, если бы не этот первый курс. С борзыми студентами, и не менее борзыми, безголовыми родителями, предлагающими взятки, или с угрозами увольнения и так далее. Конечно, она встала в позу. Еще бы она не встала. Не на ту напали!

Но неделя была испорчена. Даже погода никак не радовала – хотя на улице тепло, свежо и ярко. Обожала весну, надыхаться не могла таким воздухом. Только нервы никак не могла успокоить... вот и согласилась на приглашение своего бывшего преподавателя и очень хорошего наставника.

Приехала к нему на работу, ее без вопросов пропустили на территорию НИИ Вишневого, только паспорт посмотрели и все, открыли шлагбаум на въезде и подсказали, где она машину может поставить.

Вот это сервис, вот это она понимает: рады дорогому гостю.

А дальше началась ахиня и бесовство, как в фильмах ужасов.

Кузьмич, ранее такими шутками не был известен, так что она и не заподозрила ничего. Спокойно поднялась в ожоговую реанимацию, ее встретили, выдали хирургический костюм, халат и бахилы, дали спокойно помыть руки и обработать их антисептиком, сопроводили в палату.

А там сам Кузьмич и подждал, тоже в костюме и халате, хотя, судя, по накрытому простыней телу на больничной койке, такие меры предосторожности были лишними. Пациент был мертв. Не работали приборы, не было привычно знакомого писка мониторов. Сам Петр Кузьмич выглядел больше задумчивым, чем расстроенным. И Вика двинулась к нему навстречу, как вдруг вся вздрогнула и, чуть было не заорала от ужаса. Пациент то жив! Живой! Лежал под простыней неподвижно, и даже дыхание не было видно и слышно, как вдруг застонал и у нее волосы на затылке дыбом встали, тело мурашками от ужаса покрылось.

– Твою мать, ты Петр Кузьмич, хочешь, чтобы я копыта раньше времени откинула?! – полушёпотом заговорила зло, смотря на ухмыляющегося наставника, – Чуть кондрашка нехватила, блин!

– Что тебе станется-то? – спросил и подмигнул, – Молодая, здоровая, худая правда, но это дело такое, наживное, – нагло заявил мужчина и залихватски подкрутил свои усы.

– Что за шутки, Кузьмич?

– Да, какие шутки, Вика, дорогая! – воскликнул он, – Я к тебе с личной просьбой, обязан буду, ты меня знаешь.

– А я-то думала, ты значит, с любимой ученицей решил чаю попить, за жизнь поговорить. А ты с просьбой, значит?

– Я, кроме тебя, сейчас верить никому не могу, – мужчина вмиг сделался серьезным, и ее весь веселый язвительный настрой тоже пропал сразу.

Она могла по пальцам одной руки пересчитать ситуации, когда видела своего бывшего наставника и доброго друга с таким выражением лица и глаз. Сколько знала его, всегда веселый, с черным юмором, рот не закрывается, и подкалывает всех постоянно. В операционной стоит, человека режет, а балагурит хуже клоуна. А тут серьезный. Взгляд резкий, решительный и мрачный, но где-то глубоко горела надежда, что она, Вика Золотарева, согласится и ему поможет.

Кивнула, что готова его слушать, и заметила, как старый друг облегченно выдохнул.

Подошел к койке, стянул простынь и на нее вновь взглянул. Выжидательно так, типа «Давай, красота моя, покажи, что умеешь».

А Вика уже на него не смотрела, глаза не отрывались от мужчины, лежащего на кровати.

Бледный, что не удивительно. Относительно молодой – лет тридцать пять, может чуть меньше. Красивый. Сильное, развитое тело, мускулатура в тонусе, татуировки на руках. Масливый лоб и соболиный росчерк бровей, глубокая морщина на лбу, больше похожа на очень тонкий порез, мягкие высокие скулы, упрямый подбородок и сжатые от боли, видимо твердые, на вид, губы. Щетина трехдневная. Несколько шрамов на теле: старые, больше пятилетней давности, от глубокой рваной раны на предплечье, и парочка глубоких порезов на животе. Тут

же, заклеенный стерильной повязкой, новый, в правой подреберной области, и еще один слева на груди, под ключицей.

Она спокойно обнажила красные рубцы, оценила ровность стежков. Руку мастера узнала.

– И что ты хочешь от меня услышать? Швы не воспалились, но пока рано об этом, – еще не все потеряно, – весело хмыкнула, отработанным жестом проверила пульс на запястье, потом на шее, – Пульс в норме.

Стянула с шеи наставника стетоскоп, послушала дыхание: ровное, без хрипов и затруднений.

– Дыхание чистое. Все с твоим пациентом в норме.

– Без тебя знаю, нашла, чью работу проверять! – язвительно прокомментировал ее действия, – Я тебя не для этого звал.

– А для чего?

– Ему здесь быть нельзя!

– Что значит нельзя? Где его карта, кстати?

– Тебе вот какая, на х*ен, разница, где его карта? Он здесь неофициально! И его надо увезти!

– Ты на старости лет спятил, что ли? – она задохнулась от собственного возмущения и догадок, а еще от его тона, – Умом тронулся?

– Вика, его убить пытались, понимаешь? И я не хочу, чтобы вторая попытка увенчалась успехом!

– Вызывай ментов, это их епархия, или ты в шпионов поиграть захотел?

– Ты не понимаешь! – взвыл наставник, схватился руками за голову, покрутился вокруг своей оси, выдохнул и заговорил уже спокойно, – Ты за новостями не следишь, тебе некогда. Это большой человек с большими возможностями. Я давно с ним связан, очень давно. И об этой связи могут узнать, – и найти его станет не так трудно. Ты должна его увезти, тебе я его доверю.

Сказать, что она в тот момент охре*ела – это ничего не сказать. Впервые в жизни, в такую ситуацию попала, когда вроде знаешь, что и как правильно надо делать, по закону. А с другой стороны, напротив тебя стоит твой наставник, друг, растерянный и обеспокоенный... Человек, который много раз помогал и выручал, научил всему. И этот человек просит о помощи.

И она уже согласна. Пусть и не сказала этого вслух, но в уме зрел план, как его лучше вывезти из больницы и дотащить до машины, незаметно чтобы. На заднем сидении его можно положить, и лучше прихватить пару подушек, чтобы полулежа, он смог полностью поместиться. А там, доедет домой... только вопрос как она его сама из машины в дом дотащит и, при этом, сделает это так, чтобы швы не разошлись?

Это все у нее в мозгу вертелось, а спросила она только одно:

– Кто он тебе?

– Это Савелий Петрович Шахов – мой сын, милая. Этой мой сын.

Она уже в который раз за день потеряла дар речи и невежливо вылупилась на старого друга: она то всю жизнь считала, что у него детей нет. А тут, вона как оказалось. Вика пригляделась к лежащему в беспмятстве мужчине внимательней, – может, надеялась увидеть какие-то общие черты, сходства, – но, по правде, просто отупело пялилась на этого красавца и не могла мысли в собственной голове по полочкам разложить.

– Надо машину ближе к корпусу подогнать, запасной выход у вас рабочий?

Кузьмич кивнул радостно, подошел, резко обнял ее, сжал в могучих своих руках и отступил сразу.

– Иди машину подгоняй, а я его быстренько на коляску усажу и вывезу.

Она уже, когда из корпуса вышла, только тогда заметила, что практически все отделение ожоговой реанимации было пустое, пациенты находились только в двух крайних палатах, были

без сознания, но возле них сустились, дежурившие две медсестры и санитарка. На нее они не обращали внимания. Видимо, новые пациенты,— только привезли. Удачно все складывалось.

Вика думать не хотела, в какое дерьмо влезала на самом деле, но дала себе зарок, что теперь новости будет слушать. По радио или по телевизору, без разницы, но будет слушать. Так, на всякий случай, а то вдруг скоро Армагеддон приключится, а она и не в курсе? Вот неожиданность получится.

Руки едва заметно подрагивали, и вся она была на взводе, в каком-то нервном предвкушении всей этой шпионской катавасии, но отступить или отказываться даже не думала. Правда, с трудом представляла, как объяснит появление постороннего раненого мужика в ее доме любимым племянникам и сестре.

Ладно, что-то придумает. Главное, чтобы они рты на замке все держали,— остальное не существенно.

Подогнала машину и только вспомнила, что Кузьмичу не сказала про подушки, у нее в багажнике то только спортивная сумка с чистым комплектом одежды и полотенцем. Под спину этому Шахову не подложишь. Но, Кузьмич тоже сообразил, подушки лежали на ногах бессознательного сына ее старого друга.

Как они эту тушу в машину затолкать умудрились и, при этом, ни один шов даже кровить не начал, одному Богу известно, но упала она знатно, вспотела вся. Вот вроде спортом занималась, бегала по утрам, танцами увлекалась, еще в бассейн ходила, а поди ж ты, руки от усталости тянуть начало.

Утрамбовали пассажира на заднее сидение, прикрыли казенным пледом и захлопнули дверь.

— Долго он у меня куковать будет? Ты его хоть предупредил о смене места дислокации? Он меня не удавит, с перепугу?

— Язва! — беззлобно ругнулся, — Три дня, не больше, как проснется, сам все расскажет. Ты только не бушуй, он у меня с придурью, потерпи его три дня, а потом проси, что хочешь. Я даже этого твоего парня соглашусь взять.

— Не разводи мне тут сопли, Петр Кузьмич, парня моего ты и так возьмешь, талантливый. А про остальное забудь, это же ребенок твой... как могу не помочь?

Не хотела, чтобы горечь в голосе слышна была, но прорезалась,— услышал старый лис, грустно улыбнулся.

Открыл ей дверцу переднюю, помог сесть.

— Доедешь, позвони мне, а потом режим молчания, поняла.

— Поняла-поняла, черт ты старый, впутал меня в историю, — недовольно буркнула, закрыла дверцу, посмотрела в зеркало заднего вида, хмыкнула тому, что взрослый мужик так умильно губы во сне поджимал, повернула ключ в замке зажигания и повезла Савелия Петровича Шахова к себе домой, в свою крепость.

Вот чего не представляла и не смогла предусмотреть, когда только речь зашла о строительстве ее жилища, так это специальных рам для коляски (новорожденных или инвалидов у них в семье не было давно).

Но справилась же, ступеней было не много, а вот дверных проемов и порогов оказалось, пруд пруди, и не задумывалась особо, что есть перебор с дверями. Мужик, пока она совершала все эти перемещения, только постанывал,— если приходилось его резко поднять, дернуть или приобнять для удобства, — но в сознание не приходил, и хорошо. Еще испугался бы, кому оно надо, страх его?

Хотя, это она себя так успокаивала просто, что он испугается и занервничает. Нет. По нему сразу видно — привык командовать, отдавать приказы и чтобы все исполнялось сразу, без лишних вопросов и споров. Был в его лице этот отпечаток власти и жесткости, но готова

поспорить, что в любой другой ситуации она бы ничего такого увидеть не сумела. Мужчина, привыкший контролировать все: себя, других, мир вокруг. Так что, вместо лица, у него маска. А сейчас он слаб и не способен скрыть свою сущность от кого бы то ни было.

От таких мужиков лучше бежать, сломя голову и не оглядываться. Сожрут. Проглотят. От Шахова веяло опасностью. Нарушением правил и всяческих границ. Он сам устанавливал для себя свои правила и свои ограничения, не только для себя, но и для других. И точно карал тех, кто посмеет его правила нарушить.

Но, при всем при этом, он ее привлекал. Завораживал. Манил чем-то.

Необычная реакция, совсем для нее не типичная. Можно подумать, она никогда мужиков красивых и властных не видела, да она с таким всю жизнь росла. Целое семейство альфа-самцов пыталось контролировать ее жизнь, но как только она получила паспорт, махнула всем ручкой на прощание и ушла в свободное плавание от дорогого семейства. Так что, на своем веку повидала и не таких индивидов.

Только это отговорки все.

А факт в том, что сейчас, разглядывая его полуобнаженное тело, лежащее на ее диване в гостиной, она сгорала от жгучего мощного желания потрогать немного смуглую кожу, провести губами дорожку от выпирающего кадыка до впадинки пупка, пальцами ощутить, как от ее действий сокращаются мышцы пресса.

Тряхнула головой, отгоняя от себя эти мысли.

Только кровь уже вскипела от желания, загорелась, дыхание участилось, а между ног стало жарко и очень влажно, низ живота скрутило сладкой болью, и сердце застучало бешено, губы пересохли.

Впервые такая реакция на едва знакомого мужчину.

Но в мыслях она уже видела картины их близости. Жаркие сладкие стоны, хрипы. Ощущала кожей, его дыхание на себе, – на губах, шее, на груди.

Боже, что за хрень с ней творится?

Это буйство гормонов или просто весна?!

Отошла от дивана, от греха подальше. Пару раз моргнула, чтобы прогнать эти чертовы картины из головы. Подышала. Постояла с закрытыми глазами и сосчитала до десяти.

Немного помогло.

«Вот так, Вика Леонидовна, вот так. Дыши. И не пялься на него больше, некрофилией ты раньше не страдала, и сейчас не лучшее время начинать!»

Включила телевизор и немного прибавила громкости, чтобы на кухне было слышно. Она всегда начинала готовить, если нервничала. А сейчас она определенно была на нервах, так что привычно двинулась на кухню и чуть носом не поцеловалась со стеной, когда из телевизора услышала знакомую фамилию. Вернулась обратно к дивану, и начала слушать репортаж про нападение на крупного бизнесмена и его людей. А еще намекнули, что это ему «привет» из незаконного прошлого.

Отлично.

Просто отлично! У нее в доме лежит раненый криминальный авторитет.

И только она собралась звонить Кузьмичу и высказать все, что думает по этому поводу, неприятным секретам и не менее неприятным личностям, как эта самая личность очнулась и прохрипела:

– Воды!

Вика спокойно отложила телефон на журнальный столик и стойко встретила наглый требовательный карий взгляд.

– Воды Вам много не рекомендуется, так что выпьете совсем чуточку.

Быстро на кухне набрала воды в стакан, сунула коктейльную трубочку и отнесла Шахову.

Тот смотрел на нее, подозрительно щурясь, и как-то так нагло, что этот самый стакан с водой сразу захотелось ему на голову одеть. Ни следа не осталось от ее гормональной вспышки. Она разозлилась на этого «короля» жизни, привыкшего всеми повелевать. Сунула ему стакан под нос, подождала, пока он рукой тот крепко обхватит, и только после, снова схватилась за мобильник.

– Очнулся твой пациент, жив, здоров, – уведомила Кузьмича, – Только, в следующий раз, предупреждай меня сразу, что у меня в доме может обретаться бывший криминальный авторитет! – не сдержалась и начала шипеть сквозь зубы.

Шахов наблюдал за Викой все с большим интересом и любопытством, невозмутимо сделал два глотка и поставил стакан на столик перед диваном, лег удобней и уставился на нее темно-кариими глазами, в которых явно начал сквозить неподдельный мужской интерес.

– Я ж говорил, ты сильно не бушуй, и потерпи пару дней, а потом забудешь о нем и все. И спасибо, что не выгоняешь его.

А после старикан бросил трубку, не дав ей, как следует душу отвести в словах.

– Так ты, значит, та самая Золотарева, любимица бати моего? – хрипло спросил кареглазый и снова нагло улыбнулся, осматривая оценивающим взглядом с ног до головы.

Ну да, выглядела она не очень: волосы не мешало бы уложить нормально, сделать маску для лица, а то бледная и мешки под глазами, переодеться не успела так и шастала в синем хирургическом костюме, скрывающем все ее прелести, что радовало. Однако, Шахова ничего из выше перечисленного не смутило и не огорчило. Он ее, глазами наглыми, уже раздел мысленно и начал вытворять те самые вещи, о которых она сама недавно думала.

Она вся вспыхнула вновь. За секунду. Губы, неосознанным жестом облизнула и заметила, как он это движение увидел и глаза еще больше почернели, а под пледом недвусмысленно начал выпирать бугор, свидетельствующий о его желании.

Твою мать, а! И она должна три дня провести с этим человеком в замкнутом пространстве дома, где в воздухе так и летает сексуальное напряжение?

– Мы с Вами не давние знакомцы и на «ты» не переходили, так что выберите другую форму обращения, – язвительно ответила и, плевать, что голос хрипел и выдавал с головой ее жгучее желание.

Сейчас. 2017 год.

Такой была их первая встреча и первый диалог. Но она не жалела, что помогла тогда и Саве, и Кузьмичу.

Возможно, хотела бы сделать что-то по-другому. Не реагировать на его слова. Не ощущать того бушующего бешеного желания к нему.

Но никто не мог дать гарантии, что не помоги она тогда старому другу, его сын остался бы живым. Никто. И она согласна переживать всю их жизнь и всю ту боль, что осталась после, снова и снова, зато уверенная, что Сава живой.

Вика задыхалась.

Сидела на этой проклятой лавочке и задыхалась. Не могла спокойно сделать вдох. Сердце давило, и реветь хотелось, кричать. От несправедливости. От боли.

Быть хотелось.

Но, она только судорожно сжимала края скамейки, до боли в руках, и держалась.

Она не имеет больше права быть слабой. Не имеет. Не здесь и не сейчас.

Сава гнал последние пятнадцать часов машину на максимальной скорости. Обгонял и подрезал другие авто, но с*ать было на остальных.

У него все внутри узлом скручивалось от страха и беспокойства за свою девочку. Он только узнал, что ее бабушка умерла, и рванул в другую страну.

Знал, что ей плохо, что она не сможет даже слезинки уронить, потому что в голову свою глупую втемяшила, что не имеет права на слаbinу.

Потому мчался, как бешеный, к ней. Знал, что опоздал на сами похороны, но и неважно было это. Главное, оказаться рядом с ней. Увидеть глазами, убедиться, что она держится, что может крепко стоять на ногах и ее эта смерть не сломает окончательно.

Его вина, что она может не справиться. Он ее надломил, больно и слишком сильно. И достаточно толчка совсем слабого, чтобы она сломалась полностью и навсегда. И тогда не будет больше его любимой девочки, его Золотца, будет другая женщина: несчастная и сломленная. Он будет ее любить все равно, но скорей пустит себе пулю в лоб, чем позволит такому произойти с ней.

Бросил машину возле старого кладбища и бегом побежал, подгоняемый страхом и ужасом за нее. Внутри все похолодело и замерло, когда увидел сжавшуюся темную фигуру, сидящую на лавочке.

Она вся сгорбилась, закрылась, обхватив себя руками. Пыталась ровно дышать и пережить накатывающую панику и боль.

Ему было жаль, что Катерина Михайловна умерла, жаль. Но от того, что его девочке сейчас невыносимо больно и она не может дышать и плакать, он готов был убивать, и проклинать хорошую женщину только за то, что она умерла и сделала Золотцу больно.

Вика ощутила, что за спиной кто-то совсем рядом стоит и на нее смотрит. Хотя, почему кто-то? Она прекрасно знала кто. Чувала всем телом его приближение, трепетала вся в ожидании его касаний: собственнических и властных, но при этом мягких и иногда нежных. Даже сейчас она ждала его приезда, где-то глубоко внутри, в самых закромах сознания, она молилась, чтобы он приехал.

Приехал.

Не бросил.

Подошел, тихо ступая по траве, молча сел рядом и, властным жестом взял ее за руку, крепко стиснул ладонь, затем поднес к своим губам и одарил сухим горячим поцелуем. А потом, ничего не говоря пересадил ее к себе на колени, обхватил всю руками так же молча и, не отрывая своего карего взгляда от ее дрожащих рук.

– Мне жаль, милая, мне очень жаль! – тихо проговорил ей на ухо, обжигая дыханием ее щеку, коснулся губами в нежном касании к коже, и начал с ней на руках легонько раскачиваться.

– Она умерла, Сава, – вырвался из нее хрип, – Она умерла, а я думаю о тебе! Это неправильно! Я вспоминаю нашу встречу, что думала, что говорила. Переживаю заново. А должна думать о ней! Вспоминать о ней! – она вдруг вскинулась на него и заставила ей в глаза смотреть, – Я какая-то не нормальная, да?

У него все внутри задрожало от ее тона: такого слабого и безвольного, пустого. Что он мог ей ответить? Кто-то мог посчитать ее поведение действительно странным и ненормальным. А он не мог. Ни осуждать. Ни судить.

Он сам думает о ней постоянно. Живет этими мыслями. Воспоминаниями. И тоже переживает все заново.

Правда, уверен, что их первое знакомство они помнят по-разному.

Сава в нее втрескался сразу: без подготовки и долгой раскачки. Услышал ее голос теплый и насыщенный, сильный и полный язвительных ноток, и сразу запал. Влюбился, как мальчишка. В голос ее. В ее ехидные комментарии. Она ему понравилась. А уж когда увидел... Мама родная, у него башню снесло и тело все, слабое, прямо маякнуло, чего и кого оно хочет.

Те три дня стали самыми лучшими за последние годы. Пусть ему было хреново и мутило от слабости, сознание, туманом болезни было затянуто, но он кайфовал от каждого ее слова, взгляда, касания.

И уже тогда решил, что она будет с ним. Неважно, долго или нет. Но главное, что с ним.

Ту встречу они помнят по-разному. Но чувства, возникшие после, абсолютно одинаковые у обоих.

– Ты нормальная! – заявил со всей возможной убежденностью в голосе, стиснул ее руками, сильнее, и еще крепче к себе прижал. Мог бы, чтобы она ему под кожу вросла, – сделал бы, – Ты просто боишься, что не справишься. Но я здесь, я рядом, ты можешь...

– Уже можно, да? – тихо прошептала и вцепилась своими руками в его плечи, царапая ногтями кожу.

– Уже можно, – кивнул он и прижался губами к ее виску, чувствуя, как вена на виске у нее снова вздулась и запульсировала, своими руками ощутил, как она вся замерла на миг, а потом содрогнулся от ее дикого раздирающего его на куски, на молекулы, воя.

Она выла. Ревела. Захлебывалась слезами. Задыхалась.

Как-то давно Сава заметил, что слезами радости она делится со всем миром, без всяких усилий. Могла расплакаться от того, что в романе прочитала, или кино посмотрела. Могла рассмеяться, до слез, от выходки своих племянников. Или разреветься от счастья за своего брата или подругу.

Но, чтобы показать свои слезы или вообще уронить хоть слезу, когда ей самой по-настоящему больно... Такого за семь лет можно по пальцам одной руки пересчитать. И почти каждый раз она плакала из-за него.

И сейчас тоже он виноват.

Потому что приехал, и теперь ей не нужно быть сильной и стойкой. Теперь она может реветь и выть, проклинать весь мир и его, в частности.

С ним она позволяла быть себе слабой. Доверяла ему свои страхи и боль. Потому что у нее был только он, а у него была только она.

Сава бы с огромным удовольствием зажал себе уши, только бы не слышать ее плач, ее боль. Но боялся разжать руки и отпустить ее.

Он никогда не отпустит ее.

Всегда будет приезжать и держать в своих руках, даже если завтра она прогонит его прочь и скажет, что ненавидит.

Он все равно будет приезжать.

Потому что, несмотря на всю ее ненависть, обиду и боль, знал: его Золотце по-прежнему его любит и нуждается в нем.

ГЛАВА 2

Тогда. 2010 год.

Он очнулся, хрен знает где, в каком-то чужом доме. Не сказать, чтобы его не предупредили, – Сава сам настоял на том, чтобы обезопасить отца и его больницу, – светить такие связи и рычаги давления было абсолютно глупо, с его стороны. Но найти человека, которому его отец смог бы доверять на сто процентов, было нелегко, ну и, чтобы Артем смог этого человека проверить, по-быстрому, и убедиться в его надежности тоже.

Батя часто про своих учеников рассказывал, когда им обоим выпадала возможность поговорить по душам. И одной, особо гордился.

Золотарёва Виктория – умница, красавица, отличный специалист, ас в своем деле. Сколько он про нее слышал, но никогда не думал, что выпадет шанс заглянуть в глаза этой женщине, сумевшей заслужить не только доверие, но и уважение его отца, что было, не так просто, если прикинуть.

Мысли в голове перетекали вяло, но осматривался он с явным интересом. Похоже, что увезли его за город, но на обычную летнюю дачу, домик явно не тянул.

Хоромы – семейное гнездо, не меньше. Минимум два этажа, высокие потолки, как он успел заметить, и в воздухе пахнет едой, чем-то действительно вкусным. Если эта умница-раскрасавица еще и готовить умеет, он точно на ней женится. Хоть батя порадует.

Язык не поворачивался назвать эту женщину бабой, несмотря на то, что жизнь его по такому аду и клоаке протащила, и видал он красавиц с нутром, гнилее помойки, да и вообще от женщин мало чего хорошего ждал и видел.

Да, была парочка исключений, но именно исключений из установленного правила, не более.

Еще когда валялся в больнице и слышал ее голос, его проняло, пробрало до крови. Даже не сам голос, ее интонации, ехидные слова, подколки. Сава не мог открыть глаз и увидеть ее лицо, но отчего-то, в его воображении, она была самой красивой из всех женщин, что он видел, а красавиц он видал много, еще больше побывало в его постели.

Но только эта Золотарева чем-то зацепила. Как будто, до этого, он водил пальцами по гладкой деревянной поверхности и наткнулся на занозу, и она ему под кожу впилась, да там и осталась.

А когда увидел ее, все – пропал.

Глаза голубые, манящие, в обрамлении светлых ресниц без всякой косметики. Заостренные скулы, ровная шелковистая, на вид, кожа. Забавный нос, тонкие, но, до бешеного, безумного желания к ним прикоснуться, ощутить, на себе, эти чертовы розовые губы.

Сава, будто, спятил окончательно, помешался.

Захотел ее, как увидел этот злой, холодный взгляд.

Плевать стало на заказчика, на исполнителей, на того, кто информацию сливал (они с Артемом уже давно просекли, что крот завелся среди людей, искали по-тихому, особо не афишируя остальным, шум был им не на руку), все по боку стало.

Мир сузился до расстояния между ним и ею.

Она смерила его равнодушным взглядом, но при этом оглядела его всего с ног до головы, и не заметить, как эта женщина смотрела на его пресс, было трудно.

Сава должен провести с ней три дня, и он очень надеялся, что трех дней ему хватит, чтобы хоть как-то зацепиться в ее жизни.

У него было целых два часа на то, чтобы обдумать сложившуюся ситуацию, раскидать мысли, обмозговать все.

В принципе, Артем и без него все сделает, главное, чтобы журналюги не подняли лишний шум, у них есть парочка своих прикормленных, но, когда дело набирает резонанс, предотвратить что-либо становится трудно.

Два часа она колдовала на кухне.

Специально передвинулся на диване, удобном, кстати,— лег наоборот: там, где были ноги, теперь оказалась голова. Получил прекрасный обзор на весь дом, в принципе, и на нее, в частности.

Красивая. Хотя и спрятала все за бесформенной серой футболкой и старыми джинсами. Но руки остались открытыми.

Никогда в жизни бы не подумал, что его могут так возбудить женские руки. Вроде обычные: пять пальцев на каждой.

Но, как она ими двигала. Плавно и не торопясь, каждое движение было точно выверенным, что ли, ничего лишнего. Тонкие длинные пальцы без украшений, не длинные ногти, но с ярким лаком.

Сава хотел ощутить их на себе. На своем животе. Лице. Чтобы провела ногтями по животу и спустилась ниже, высвободила напряженный член и сжала, доставила ему удовольствие, своими руками.

Никогда не замечал, что после перестрелок у него были силы на такое возбуждение. Но пах, каменным стал от, прилившей к нему крови, и больно было, чертовски. Но, боль приятная, предвкушающая, хоть он мог руку дать на отсечение, что с этой красавицей ему постель не светит, по крайней мере, не так быстро.

У него сердце в голове бухало, и можно было бы списать на травму, но Сава был честным. Виновата женщина, что так мастерски шинковала овощи, бормотала себе под нос явно какие-то не хорошие слова, и временами окидывала его презрительным, надменным взглядом голубых глаз.

Ему хотелось ее как-то расшевелить, раздраконить, чтобы нарушить привычный, для нее, комфортный мир, чтобы она разозлилась и показала свой характер по-настоящему, подошла ближе, и он смог бы, хотя бы полюбоваться ее чертами.

— Эй, медсестра, не хочешь уделить время своему пациенту? — нарочно говорил так грубо.

На кухне что-то звякнуло, послышались тихие, но твердые шаги, она шаг так чеканила, что ли?!

— Что пациент желает? — она раболепски склонилась перед ним, но он видел, как взбесилась от его слов. Да-да, детка, я именно этого и хотел.

— Как насчет эротического массажа? — мурлыкнул он, и кивнул головой на свой пах, еще улыбнулся так, что все бабы сразу готовы были ноги раздвинуть.

И Вика была не прочь с ним переспать, видел, нутром чуял, но Бог мозгами не обделил, она видела в нем опасность, для себя, и своей свободы, правильно, по сути, видела и чувствовала, но для себя он уже все решил, несмотря на ее сопротивление и нежелание сдаваться.

— Массаж? — она задумчиво повторила, подошла ближе, окинула взглядом его самого, от чего он чуть не кончил,— так много страсти в ней полыхнуло, — Эротический?

Золотарева еще раз его осмотрела, а он ждал..., нет, она так просто не поведется на красивую рожу и деньги. Она была из другой категории женщин, с которыми лучше не играть, потому что не факт, что выйдешь победителем именно ты.

— Могу и массаж, — согласно кивнула, — Вставай раком, помассирую тебе простату через задний проход. Такая степень эротики тебя устроит?

Бл*ть!

Уела! Одной колкой фразочкой и, вскинутой надменно бровью, она его сделала. И ему понравилось, черт возьми, его это ее сопротивление еще больше завело.

И возможно, он бы дальше на ее нервах поиграл, но входная дверь хлопнула, а он инстинктивно потянулся за пистолетом, которого у него не было.

– Спокойно, Джеймс Бонд, это свои! – бросила и прошла спокойно мимо, выглянула в прихожую, – Тимка ты опять ко мне пожрать пришел?

– Я всегда к тебе только за этим прихожу, а ты думала почему?

– Троглодит! Мать тоже, небось, покормила?! Куда только лезет столько?!

– Не в коня корм, дорогая моя те... – молодой светловолосый парень, лет шестнадцати застыл посреди комнаты и уставился на него, – Наверное, при других мужчинах, не стоит называть тебя моей «теткой»? Или ты сказала, что я твой брат и практически ровесник? Извини, Вика, но на шестнадцатку ты не катишь!

Сава еле сдерживался, чтобы не заржать, и не потому, что не хотел обидеть Вику, этим смехом, просто смеяться больно было, но блиииин, этот парень, кто бы он ни был, классно уделал Вику-ехидну.

– Не скажешь, почему я тебя терплю? – Вика спокойно прошла обратно на кухню, достала тарелки, приборы и начала неспешно сервировать стол.

– Потому что я, твой любимый племянник?! Хотя нет, не отвечай, – парень покачал головой и двинулся в Савину сторону, – Ты сейчас скажешь, что Дамика любишь больше, и разобьешь мне сердце. Я Тимур, ее племянник, любимый, а ты? – парень протянул ему руку, крепко пожал, – Это она тебя так отделала? Тоже неудачно пошутил про возраст?

– Отойди от него, пожалуйста, и прекрати себя так вести. Тебя не касается, кто и как отделал Савелия Петровича! – холодно отрезала, и парень насторожился.

А Сава лежал и наслаждался представлением. Этим, обоим, палец в рот не клади, – по локоть отхватят. Если у нее вся семья такая, он завидует. В парне чувствовалась непосредственность, открытость, но, при этом, Тима насторожился, но Сава заметил обеспокоенный взгляд в сторону «тетки», значит, боялся не за себя, а за Золотце.

– У тебя в доме лежит полуголый, раненый, незнакомый мужик! – резко прорычал пацан, – Меня это касается!

– Тебя что больше волнует? То, что он ранен? Или то, что он раздет? – ехидненько уточнила эта белокурая язва, – Ты есть хочешь, или дальше будешь строить из себя крутого парня?

– Ты злая! – буркнул пацан недовольно, и побрел к столу, – Но, я все равно буду к тебе приходить. А где Бося?

– Спит! – рыкнула в ответ, как только тарелкой не запустила?

Сава развлекался по полной! Вот чего не ждал, так это такого «цирка», но ему грех жаловаться.

Ему, в Золотаревой, даже ехидство нравилось. И юмор у нее классный, с такой женщиной ему точно никогда не будет скучно.

Что он там говорил про юмор? Покорен и сражён? Не-а, он в полном ауте.

Его тоже соизволили покормить. Пока он, приподнявшись, осматривал свои временные «хоромы», подмечал детали, взгляд особенно зацепился за книжные полки, точнее за фотографии, там, стоящие. Их было много, и как-то все так было скомпоновано с книгами, что в глаза резко не бросалось, да и Золотце была не на всех. Какие-то люди: улыбающиеся на камеру, смеющиеся, или, строящие занятные рожицы. Но все были, между собой, неувовимо похожи, прослеживались общие черты: в лицах, в повороте головы, даже в улыбке. У нее была большая семья и всех она безумно любила, дорожила.

Это стало первым тревожным знаком того, что он вляпался.

Ему стало интересно узнать про ее семью. Не от Артема, прочитав всю ее жизнь, сухо изложенную на листе бумаги, а от нее самой.

Вот пока он пытался себя проанализировать, Золотарева тихо подошла и поставила перед ним на стеклянный журнальный столик белую тарелку с дымящимся в ней, чем-то, отвратительного зеленого цвета, положила рядом на салфетку ложку и собиралась уйти, но он не дал.

Аккуратно перехватил ее ладонь.

И током, он мог бы поклясться, шибануло обоих, она вздрогнула всем телом, и даже зажмурилась. Сава, от ее лица, внимательного взгляда не отводил, но и закрыться не пытался.

Поразительно! Зная ее всего три-четыре часа, он хотел от нее доверия. Чтобы она не зажмуривалась, когда он ее касался, а смотрела открыто и прямо ему в глаза, чтобы он видел её реакцию на его руки, слова, да на все. Лишь бы не закрывалась от него этим отвратительным холодным равнодушием. Бесило его это. Так, что он готов был ее из себя выводить, говорить гадости, провоцировать на эмоции...

– Я должен это есть? – специально добавил сомнения в голос, пытаюсь ее так цапнуть, но наткнулся лишь на презрительную улыбочку.

– Это суп-пюре, после Вашей травмы ничего другого есть пока нельзя, – Вика показательно выдернула свою руку из его пальцев, отошла на два шага, – Приятного аппетита, смотрите не подавитесь.

За столом, на кухне, со смеху прыснул пацан, но упорно делал вид, что это был не он. Сава никак ее слова комментировать не стал. Молча взял ложку, задумчиво повертел ту в руках, подвинул ближе к себе тарелку с супом, и принялся спокойно есть.

Хоть и было до жути смешно, есть под ее настырным взглядом. Ждала, пока он, в самом деле, подавится, чтобы добить, что ли?

Только Сава жрать хотел, как собака. И уплетал вкусный, кстати, суп, за обе щеки. Правда, показать своего восторга от ее готовки не мог, – не тот момент, чтобы рассказывать какая она удивительная и поразительная женщина.

Вика еще понаблюдала за ним, дождалась, пока он доест, забрала тарелку и принесла теплый вишневый кисель.

И, как бы он не хотел высмеять меню в ее доме, а слова к горлу прилипли, и во рту горечь появилась такая, что потянуло блевать. Сразу в нос ударил запах плесневелого хлеба, отвратительный привкус во рту стал еще хуже, а он смотрел на эту кружку с киселем, как на змею.

Конечно, она не могла знать, что его в такое состояние повергло. Но, ненароком напомнила о том, чего он бы хотел никогда не вспоминать.

– Все в порядке? – она обеспокоенно присела на край дивана, провела ладонью по его лбу, посчитала пульс на запястье, – Вам надо успокоиться, пульс участился.

Просто участился пульс, а кишки в узел тугой завязались. Давно ему не напоминали, кто он и откуда взялся. Отвык. Зазнался.

Сердце и вправду бухало, как ненормальное, и не будь он ранен, наверное, в руки себя взял бы быстро.

Но, перед глазами был этот чертов плесневелый хлеб и, едва теплый кисель, за который он, малолетний пацан, дрался, практически насмерть, с такими же пацанами, как он. Потому что, жрать хотел, и жить тоже хотел.

Он сглотнул ком в горле и перевел злой взгляд на нее, собирался сказать, чтобы пошла вон, только натолкнулся на настоящий обеспокоенный взгляд голубых глаз и заткнулся, не успев ничего сказать даже.

Саву уложили удобней на диване, тот пацан откуда-то притащил еще подушку, и так, вправду, стало удобней сидеть. Его осмотрели, проверили швы, обработали и опять забинтовали, наложили повязки.

– Вашему организму нужно больше отдыха, и как можно меньше стресса. Если так не любите кисель, я сделаю что-то другое.

Вика еще что-то говорила и делала.

А он балдел. Просто балдел от каждого ее касания, обеспокоенного взгляда. От того, что ее дыхание опаляло, теплом, кожу его груди.

Но больше тащился от ее заботы, и плевать было, что она продиктована долгом и обещанием его отцу. Плевать.

Его штырило от одной только мысли, что она просто беспокоится о нем.

Захотелось ее прижать к себе, уложить на диван рядом. И просто полежать. Можно даже молча. Без всякого сексуального подтекста. Лежать рядом. Касаться друг друга.

Вся его злость и ярость, весь буйный нрав и беспощадность, возле нее, улетучивались, и он становился таким, каким себя давно не помнил.

Сейчас. 2017 год.

Хоть ситуация и была абсолютно безрадостной, но он не мог не испытывать счастья и трепета, прижимая к себе самую дорогую женщину на свете.

Она своими слезами, криком и воем рвала сердце на куски, душу всю в ошметки превращала. Но заснула в его руках, – хотя это не сон даже, а какое-то забытье, – когда все предохранители ее нервной системы перегорают, и она просто отрубается.

Сава такое уже видел у нее. При нем же все и было. Что тогда, что сейчас.

Но не мог, не мог он оставаться равнодушным от понимания, что, несмотря ни на что: на ее ненависть к нему, ее злость, ее яростную обиду, только Сава оставался тем, кому она безоговорочно могла доверить свое нутро. Какими бы ни были их отношения, это оставалось неизменным. Ее любовь и ее доверие.

И он соскучился дико. Не видел ее столько. Только украдкой, урывками, когда сам сдавался и срывался, ехал к ней. И воровал у самой жизни, для себя, хоть что-то, мизерные минуты недалеко от Золотца, но каждая минута становилась бесценной.

Нес ее на руках к машине, а вспоминал другое. Она его задела, всполошила. Сава бы не признался, что каждый день вспоминает, все думает и гадает, как бы правильно стоило поступить тогда. Сразу рассказать ей? Или потом, но рассказать самому и дать Вике решать все самостоятельно? Может, и правильно это было. Но что мог сказать, на сто процентов, – Вика никогда бы не стала спать с женатым мужиком, не пустила бы в свою жизнь. Никогда. Теперь Сава это знал, но тогда нет, откуда? Не задумывался об этом, просто брал и делал то, что хотел. Не волновало, во что превратится их жизнь, если Вика узнает правду.

Но, с другой стороны. Ни за какие спокойные годы, бабки, связи, – ни за что, он бы не променял этих лет с ней. Даже, если бы избавил их от кучи боли и ненависти, обид. Он бы не променял годы с ней ни за что и никогда.

Они вместе долго шли к счастью. Боролись характерами, привычками жить. Устраивали баталии. Но жили, вместе.

А сейчас у него только тень, причем хиленькая такая, слабый отголосок того, что у него уже было.

Принес ее к машине, махнул рукой ребятам, чтобы дверь заднюю ему открыли. Парни молча выполнили приказ и шустро отвернулись.

Сава умчался из Москвы, как только узнал, даже охрану с собой не взял. Но, Артем не был бы Артемом, если бы не смог урегулировать ситуацию, да и ребята у них были проверенные и сообразительные.

– Куда, Савелий Петрович? – водитель на него в зеркало заднего вида смотрел, вопросительно.

– Давай на Щорса.

– Понял, – ответил и завел двигатель.

Сава предчувствовал очередную головомойку, но просто взять и оставить ее одну, пусть и с семьей, не мог.

Физически был не в состоянии убрать свои руки от ее тела. Не мог пальцы разжать.

Она у него в крови, под кожей. Часть его самого. Если ей плохо, больно, ему в сто раз хуже, всегда.

Почему он позволил и себе, и ей, все это испортить?

Как так получилось?

Они быстро приехали к дому ее брата. Сава не удивился, что их вышли встречать, донесли ведь наверняка, что он приехал, даже уверен был, что проводили, когда он приехал, и заранее предупредили, к кому везет Вику.

Высокий темноволосый мужчина в костюме, стоял возле ворот и поджидал их, нарезая круги.

Сава недовольно скривился, когда Макса увидел. Если бы Миша или Руслан были, может и пронесло, но это был Макс, младший из ее братьев, но, при этом, самый категоричный и злопамятный, к тому же.

Когда-то он Вику к нему ревновал, даже парочку скандалов у них было из-за этого. А сейчас, что делать? Молча сдать с рук на руки Вику и уехать? В дом его точно не пригласят.

– Как она?

Макс открыл дверь машины, окинул их недовольным взглядом, и все. Молча забрал свою сестру у него из рук, передал, выскочившему из дома, Мише.

Тот только кивнул, и понес Вику в дом.

У Сава внутри пожар разгорался и грозился сжечь тут, к чертям, все и всех. Но ему стоило титанических усилий, чтобы спокойно выйти из машины и встать рядом с Максом.

Сава его уважал, что скрывать, было за что.

Срать на его профессиональные достижения, бизнес и остальное. Максим всегда ставил во главе стола семью, и Вику, в том числе. За это уважал, и поэтому спокойно отодрал, с кровью и мясом, от себя Вику, сейчас.

– Нормально заплакалась и вырубилась, – спокойно продолжил разговор, будто не было никакой заминки до этого, – Ты как? Держишься?

Горе, кого хочешь, на колени поставит, но Макс стоял на своих двоих, и ему это дорого обошлось в прошлом. Закаленный стал.

Макс, от его слов отмахнулся, головой махнул, предлагая пройтись.

Саве уже терять было нечего, но он успел заметить то, что его взбесило до такой степени, что, перед глазами все красным от ярости стало.

– Какого хрена это ничтожество там делает? – заорал на всю улицу, посмотрел на Макса и пошел к дому.

Плевать, что ему не рады и не приглашали. Он Вику с этим ган*оном в одном доме не оставит.

– Сава, успокойся, – попытался мужчина до него достучаться, – Толик уедет, Вика его даже не увидит.

– Как ты можешь? После того, как он ее растоптал?! – снова заорал, оттолкнул от себя его руки и пошел дальше, но о слова Макса споткнулся, и застыл.

– А ты, что сделал? Не то же самое? Тебя я должен в своем доме привечать?! – зло спросил тот, – Ты ее не сломал?

– Это не одно и то же, – глухо выдавил из себя, – Я ее не бросал, и никогда бы не бросил.

– Да тебе и не надо было ее бросать. Просто нужно было вовремя сказать, что ты женат и у тебя есть ребенок, – зло чеканя каждое слово, произнес Макс, – Ты же знал... знал, как она относится..., после отца, после Толика... Ты все про нее знал. Ты решил все за нее, дал ей подобие семьи. Вика сказала, вы даже о суррогатном материнстве думали?! Как ты мог так поступить с ней?!

Каждый упрек ее брата, ему кожу вспарывал, вгрызался в мышцы, в само сердце, в душу ему врывалось, алчным яростным огнем боли. Снова выжигало все нутро, так что он был готов выть от боли, от тоски по ней, о той жизни, что у них была когда-то.

– Она дом продает... – вдруг спокойно сказал Макс.

Сава сначала не понял, о чем тот говорит. Но, когда дошло, когда в уме щелкнуло... Он, воздухом подавился.

– Как продает? Это же ее ДОМ! – он сипел, не мог говорить спокойно, дикая боль его к земле пригвоздить могла, но еще пока держался, еще не все «гвозди» в его «гроб» вколотили.

– Вика продает СВОЙ дом и уезжает... – снова повторил Макс.

Твою мать, Сава и с первого раза понял, ему не надо ножом в сердце второй раз тыкать и проворачивать, там внутри и так ничего целого нет давно, только кровавое месиво, да ошметки от души остались.

Что Макс хотел этим подчеркнуть? Какой Сава подлец? Гнида? Тварь? Что?!

Будто, он сам себя по-другому мог назвать? Будто ему самому не больно? А пох*ен на нее, на их жизнь, на их дом, так Макс думал?

– Почему? – глухо выдохнул, – Почему она это делает? Это же ее дом, ее мечта!

Он не понимал.

Помнил же, как она гордилась своим домом. Как рассказывала ему еще в первый день их знакомства, ночью, когда обоим не спалось.

Вика буквально каждой вещью гордилась, радовалась, как ребенок и рассказывала, глядя на него безумно счастливыми глазами.

У них столько воспоминаний было про этот дом. Счастливых и грустных. Безумных. Страстных. Ревностных.

Столько дней они прожили там. Лет.

Сава давно считает ее дом своим. Только там ощущает себя «дома». Ни его загородный дом, ни квартира, никогда не давали ему ощущение «дома»: покоя, тепла, уюта. Просто счастья.

– Потому что это «ваш» дом! – Макс тоже не собирается строить из себя спокойного непробиваемого парня, – И она живет в нем одна! Без тебя!

– Она сама меня выгнала! Сама! Ее никто не заставлял этого делать!

– Ты! Ты ее заставил это сделать! Своим враньем!

– Я не врал ей никогда! Она моя женщина! Ее я люблю!

– Ну, так женись на ней, если любишь! – рявкнул в ответ мужчина, – Но ты же не можешь! Ты уже женат!

– Я решаю эту проблему!

– И ты думаешь, твой развод что-то изменит? Сделает ее счастливой? Вернет мне мою сестру? Сомневаюсь в этом.

– Ты не знаешь, о чем говоришь, – Саву эти чертовы намеки довели до ручки, – Не надо мне намекать, что я ничего не могу исправить. Могу! Пока она меня любит, я все могу! Так что, закрой рот и не смей Вике говорить, что ничего уже не исправишь!

У него в ушах пульс тарабанил, и перед глазами все, пеленой кровавой покрылось, но он сам заткнулся и слова больше проговорить не смог.

За спиной Макса стояла Вика, она успела переодеться: сняла черное платье и сменила на джинсы с футболкой, но трясущимися руками укутывалась в теплый плед. Ее всегда начинало морозить, после нервного срыва.

Двинулся к ней, чтобы обнять, согреть, но она его, взглядом остановила, только он был не в том состоянии, чтобы прислушиваться к ее мнению и желаниям. Этот день его окончательно вымотал и довел до того состояния, когда он готов начать убивать тех, кто помешает ему оказаться рядом с Викой.

Она сопротивлялась его рукам, пыталась оттолкнуть.

– Ты же знаешь, что рядом со мной быстро придешь в себя, малыш, не сопротивляйся, я не хочу сделать тебе больно.

И Вика сдалась. Обмякла в его руках, всхлипнула и уткнулась, своим лбом ему в шею.

– Ненавижу тебя за это, – шепотом произнесла так, чтобы только он услышал, – Ненавижу.

– Я знаю малыш, знаю, – он убаюкивал ее в своих руках, а сам сгорал от счастья и боли, одновременно.

Любовь к ней вообще всегда была такой... тяжелой. Тяжело любить человека, которому это не нужно. Очень.

Они забыли про все и всех. Все равно было, что они посреди улицы стояли и обнимались. Что Макс от злости закипал, а Миша неодобрительно из окна веранды поглядывал. Ничтожество тоже смотрело на них.

Но им было все равно.

Слишком давно оба не ощущали тепла тел, дыхания друг друга на собственной коже.

Для него один день без Золотца был мукой, что уж говорить про несколько месяцев или лет?

– Ты продаешь дом? – шепнул ей на ушко и ощутил, как она в его руках замерла, вздрогнула всем телом, а потом, набравшись храбрости, подняла голову и посмотрела на него.

– Я не могу больше там жить, без тебя. Не могу. Вижу постоянно, даже разговариваю, иногда. Каждый раз натыкаюсь на стены, а вижу там тебя.

– Так натыкайся не на стены, натыкайся на меня... – полушутя предложил Сава, глядя в голубые омуты ее глаз.

Он так любил ее улыбку, когда губы сурово поджимаются, но глаза сияют бриллиантами счастья.

А теперь видел там только грусть, вперемишку с болью.

– Давай поговорим? Пожалуйста, давай поговорим, хотя бы сейчас, дай мне возможность все рассказать! – взмолился он тихо, прижал к себе крепче, – Я все равно не уеду, пока тебе не станет легче, не оставлю одну.

– Я люблю тебя, – вдруг прошептала она, – И мне от этого больно, Сава. Я не хочу больше любить тебя. Не хочу, понимаешь?!

– Я знаю, малыш, порой мне кажется, так было бы лучше, не люби ты меня, – она посмотрела на него, требуя продолжения, – Я бы отступил тогда, но не могу. Ты любишь меня, и поэтому я не могу отступить. Не могу без тебя жить и не хочу. Буду ждать. Буду надоедать, преследовать. Буду приходить. Говорить. Все буду.

– Я тебя ненавижу, – прошептала, зарываясь своим носом в ворот его рубашки, вдыхая глубже его запах, крепче обнимая его руками.

Но оба в ее словах слышали «люблю».

– Я тоже, малыш, я тоже!

Снова поднял ее на руки и понес к машине.

Когда она была рядом с ним, когда вот так близко, что он мог ею дышать, чувствовать, как бьется ее сердце, Сава становился неуправляемым. Мир сужался только до нее, в его руках, а остальное становилось по боку, абсолютно незначительным. Пер, как танк, задавливая всех на своем пути.

Их никто не окликал. Все знали, чем это может закончиться, помнили их первый приезд сюда и то, скольких мужиков, он чуть не покалечил, из-за нее.

– Давай сбежим и станем свободными? – вдруг проговорила ему куда-то в шею.

Он, молча, снова сел с ней в машину. Вика похудела, истощала даже. Он только кости и чувствовал.

– Леха, пусть кто-то из ребят вещи Виктории Леонидовны заберет, и документы, обязательно.

– Понял, сделаем. Куда рулить, шеф?

– Давай нас в аэропорт.

Вика губами улыбнулась, поцеловала благодарно его в шею, потерлась щекой. Разве он мог думать о чем-то другом, кроме этого касания? Ее ласки?

Столько лет был лишен всего. А теперь, просто за то, что он ее увозит на другой край света, она благодарит его и позволяет заботиться о ней.

Но, оказывается, он мог.

Был на подъеме. Разорвать могло от ощущений, от эмоций. Но на задворках сознания, его вновь окунало в прошлое, но уже другое, не их общее, а только его.

Он рассказывал ей про что-то, но всегда старался во всю свою грязь не погружать, хоть видит Бог, она и так обо всем догадывалась, Сава точно знал. Но самому рассказать такое о себе до конца не мог, не находил сил и смелости.

Но расскажет.

Там, где они всегда были свободными от всего, расскажет.

Даст ей передохнуть. Успокоится, и снова разорвет ее на части, чтобы своими руками заново зашить раны, прижечь своей железной любовью и жадой.

Уж такими они были людьми.

Каждый раз выворачивали себя наизнанку, рвали друг друга на куски, потому что, по-другому, быть откровенными не получалось. Только через боль.

Но Вика знает это все, и все равно готова уехать с ним на край света, довериться ему. Готова слушать. И говорить.

Неужели он дождался?!

ГЛАВА 3

Сейчас. 2017 год.

До аэропорта было ехать чуть меньше десяти часов, но Сава не стеснял своего водителя в требованиях соблюдать скоростной режим, попросил только, как можно быстрее их довезти и, при этом, никого не угробить.

Ехали шесть часов в полном молчании, даже радио никто включить не осмелился, отчего-то в салоне дорогого внедорожника была странная тихая атмосфера, по-плохому странная, хоть он и хотел бы убедить себя и своих людей в обратном. Был молчалив, последние дни ему спокойствия не добавляли, а тут еще и Вика в таком состоянии.

Она заснула, спустя час их незапланированной поездки. Доверчиво прижималась к нему всем телом, и пусть, через плед, но он ощущал, как она периодически начинала вздрагивать, ее знобило, и только во сне сумела расслабиться. Доверчиво заснула в его руках, только посапывала до невозможности мило, и своим горячим дыханием бередила ему душу.

Так давно, слишком давно Вика не проявляла к нему столько доверия, чтобы вот так суметь уснуть рядом, да просто остаться наедине и согласиться со всем, что он предлагает.

В голове мысль мелькнула, что надо ее додавить, пока она в таком состоянии, чтобы согласилась вернуться. А если потом откажется, он ее собственными словами в угол загонит.

Только так Сава больше не хотел.

Уже настоял на своем однажды, практически заставил Вику впустить его в ее жизнь, но в итоге всё вышло плохо.

Больше всего боялся, что вот сейчас его малышка проснется и потребует вернуть ее в дом брата, и он не будет иметь права возразить. Потому что Макс прав: Сава Вике никем не приходится. Ни братом, ни отцом, ни мужем.

Он никто. И решать ничего не может. Только наблюдать за тем, как она медленно начинает угасать в безумной попытке перестать его любить.

Не получалось у нее, никак. Он знал. Сава про нее все знал. И то, что попытки безуспешны, она сегодня только подтвердила, иначе бы не поехала, иначе бы вообще его к себе не подпустила.

Немного крепче сжал ее в своих руках, зарылся лицом в светлые пряди и вдохнул знакомый и родной запах: горьковатый грейпфрут и кофе. Приверженка стабильности и привычек: что полюбились, тем и будет пользоваться всю оставшуюся жизнь. Это черта в ее характере его, по началу, не на шутку удивляла и смешила. Молодая же девчонка, а такие тараканы и закидоны в голове. Откуда только взялось?!

А вот так получилось, что теперь он этому безумно рад. Всем ее привычкам и постоянству своих суждений, чувств.

Эти часы в его машине, как лучшая награда за его боль. Вот так держать ее и наслаждаться близостью, даже не тел, а душ...

Когда она позволяет ему держать ее своих руках, защищать и ограждать от проблем, от мира. Когда просто не убегает от него, а наоборот пытается ближе прижаться, чтобы кожа к коже, чтобы дыхание смешивалось, и было одно на двоих.

В этот конкретный момент, Сава от мимолетного, но такого сладкого, на вкус, счастья, сходил с ума. Запоминал каждый ее вдох-выдох, как супит бровки во сне, как хмурится. Потому что была огромная вероятность, что, когда они, наконец, доберутся до места и он душу перед ней облегчит, видеть его Вика больше не захочет, развернется и уйдет, теперь сама, но уже навсегда.

Снова начал вспоминать их первую встречу, ее дом, его впечатления.

Вика ведь всерьез решила избавиться от своей мечты – от дома. Продать, а дальше? Уехать? Куда? В Штаты, где ее давно ждут на работу, или там и другой кто-то есть – не женатый и без кучи проблем?

Об этом он ее никогда не спросит. Сам монахом никогда не был, и от нее сейчас этого требовать не видел смысла, да и права не и мел, если уж на то пошло. Мысль эта резанула серпом по сердцу.

Знал, что ревновать глупо. И что она не его больше, точнее, считает именно так, что для него абсолютно ничего не меняет. Но Сава всегда ее ревновал, ко всем. Каждую ее минуту, что она уделяла кому-то другому, а не ему, считал, и потом требовал возместить в двойном размере.

Ему всегда было мало. И будет мало всего, что касается его Золотца, его малышки. Всего: взглядов, разговоров, касаний, любви, страсти. Мало. Ему нужно еще. Больше. Всегда.

Сава был безумным, знал это, и даже не противился и не вскипал, когда ему об этом говорил кто-то другой, правда, желающих особо много и не было.

Он готов был ее ждать. С самого начала. Когда увидел, точнее, услышал ее. Спокойный иронично-насмешливый голос, ее колкости, саркастичные замечания и шуточки. Видел, как она готовит, как с племянником говорит и все норовит ему светлые вихры пригладить.

Вика заботилась о тех, кого любила, пусть ворчала немного, и саркастично шутила над всеми, но заботилась и любила. И ему в тот момент завидно стало по-черному так, что аж кровь вскипела, и захотелось заорать: «Меня люби! Обо мне думай! Обо мне заботься!» Конечно, орать он не стал, но всеми силами в те три дня старался наладить контакт, разговорить, и вывести на эмоции.

Получалось не слишком. Ему позволили только краем глаза увидеть, заглянуть в ее жизнь, но вмешиваться не давали. Совсем.

К ней приходила сестра с мужем и остальными детьми, все вежливо ему представились, пожелали скорейшего выздоровления и, бросая любопытные взгляды, удалились к хозяйке на кухню шушукаться. А потом его вовсе передислоцировали в другую комнату, проверили состояние и повязки, и оставили в одиночестве прислушиваться к голосам, время от времени раздававшимся по дому.

У него было три дня, и впервые за несколько лет он понял, что ошибся в человеке и не рассчитал своих сил. Самоуверенность в голову дала, и не заметил того, что успел попасть, влипнуть, как муха в мед. И сладко, и страшно. Его Артем забрал через два дня, просто приехал, зашел в дом и помог сесте в машину, после. Вика только облегченно вздохнула ему вслед, и не больше. Была рада, что избавилась от его присутствия, несмотря на взаимное желание, – а только слепой и глухой между ними напряжения не увидел бы. Да что там?! Между ними искры метались, – поднеси спичку и взлетит все к чертям. Но...

Золотце была закрытым человеком, очень, и даже слишком. Не пускала никого к себе в душу, кроме тех, кого безоговорочно считала своей семьей, своими людьми. Правда, Сава это понял гораздо позже, недели через две, и пер танком, тараня все ее стены, влезал без спроса в ее жизнь и менял под себя ее саму, и ее жизнь тоже.

Сейчас он об этом если и жалел, то только в минуты полного отчаянья и выпитого ведра крепкого виски. Поступи он по-другому... никогда Золотце его бы не приняла, не стала бы считать семьей. И он бы так и не узнал, какового это, когда тебя безоговорочно любят, просто за то, что ты рядом, и есть на этом свете.

Сава был уверен, что, Макс, старший брат Вики, его, Саву, готов убить, осуждает, но... поддержит только по одной простой причине – они оба хотят для малышки счастья. А Сава всегда делал ее счастливой, даже против ее собственной воли, он тот, кто делал ее счастливой. Его могут осуждать остальные, вся ее семья. Вику тоже будут осуждать за то, что сейчас, когда у них горе, она уехала с женатым любовником на край света. Но что они знают? Что эти

«семейные» люди знают об их жизни и их чувствах? Ничего. И он очень постарается убедить в этом Вику, чтобы не обращала внимания, и просто продолжала жить дальше.

Когда приехали в аэропорт, пришлось ее будить, для него это было мукой. Память такая штука, что иногда проявляет себя совершенно не вовремя.

Она любила его будить утром. Легонько тормошила, звала по имени, – он с ума сходил от того, как собственное имя звучало в ее устах: так нежно и ласково, непривычно мягко. А, если он спал слишком крепко, могла взобраться на него, оседлать и начать бессовестно приставать: целовала со страстью, глубоко, дразнила прикосновениями, и будила уже не его самого, а его желание к ней... мгновенно зажигала.

Помнил все, каждую мелочь, будто вчера.

И возможно, он бы хотел ее разбудить так же, но не в машине, и не при охране.

– Малыш, мы приехали, – гладил ее по щеке, аккуратно обводил своими пальцами ее скулу, коснулся уголка губ и наклонился, чтобы поцеловать, – Вика, мы на месте, вставай.

Медленно открыла глаза и непонимающе посмотрела на него, улыбнулась открыто и радостно, блеснула счастьем в глазах и потянулась к нему навстречу, чтобы поцеловать. А потом застыла. Вспомнила, кто они и где находятся, что случилось, осознала реальность, и всем телом превратилась в холодный мрамор, неподвижно застыла в его руках. Затем отстранилась и оттолкнула его руки от себя, смерив недовольным взглядом его и охрану, нехотя выбралась наружу, в шум и гам аэропорта Борисполя.

Сава вышел из машины, следом, взгляд внимательный с нее не сводил, видел, как сильнее закуталась в плед, как потирала рассеянно плечо и осматривалась вокруг, будто давно здесь не была и забыла, как выглядит аэропорт.

Он подошел и встал рядом, не касаясь, а просто ждал, пока она соберется, все осмыслит и повернется к нему, посмотрит в глаза и, наконец, заговорит.

Парни со второй машины тоже выбрались и немного оградили их от остальных, Лешка взглядом указал на VIP-терминал, что все готово и можно двигаться туда. Но пока все стояли.

Вика глубоко вздохнула, пыталась набраться смелости, чтобы встретиться с карими глазами мужчины, способными подавить на корню любое ее сопротивление. Но все же нашла в себе достаточно сил, чтобы повернуться и посмотреть ему в лицо.

И задохнулась, пульс сбился, когда смогла рассмотреть его без поволоки слез. Он выглядел уставшим, не от работы, а от жизни. Это было в его глазах. Та усталость, от которой хочется просто лечь и умереть. А еще он был непривычно, для нее, грустный и задумчивый. Держал руки в карманах брюк, но точно сжимал те в кулаки, сдерживал свой темперамент и характер от слов, что готовы были сорваться с языка. Он думал, правильно ли поступает и думал о том, что она готовится ему сказать. Поэтому был грустный. Но упрямо стоял и ждал от нее слов.

– Это плохая идея, мне не следовало уезжать сейчас, меня неправильно поймут, – начала и тут же запнулась, когда увидела в его глазах промелькнувшее довольство. Ну конечно, он ведь именно этого от нее ждал, этих слов. Это ее разозлило, взбесило так, что от ярости затрясло и руки пришлось так, как и ему, в кулаки сжать, чтобы не показать своих эмоций.

– Малыш, ты же сама все знаешь, от твоего присутствия там ничего не изменится. Ты не должна их утешать.

– Конечно, я должна уехать со своим женатым любовником на острова, и предаваться любви, – едко выплюнула слова ему в лицо, – Потому что я, по их мнению, безразличная фригидная сука, и мне на все плевать, да?

– Твоя семья далеко не идеальна, и сейчас они больше стервятники, чем родственники. Это тебя должны утешать и поддерживать, потому что, тебе бабушка была практически матерью, а для них она была заносчивой требовательной старой каргой. Извини, но это правда, и ты сама все знаешь...

Ох, как же ее бесила эта его самоуверенность. Будто ничего не могло измениться в ее жизни и ее семье за два года. Будто все застыли в ожидании, пока великий Савелий Петрович Шахов соизволит появиться и сказать, что «она все прекрасно знает сама». Чертов самоуверенный болван.

Конечно, он был прав. Еще бы. Это же его кредо: знать все и про всех, решать за всех, потому что он знает, как будет лучше для других.

Макс все раньше удивлялся, как она могла влюбиться в такого человека? Вика тоже не знала, но было так, как было. Она и эту его самоуверенность в нем любила, хоть и бесилась иногда от его поступков и слов. А теперь что? Сказать ему спасибо за то, что напомнил правду о ее родне?

– Ненавижу, когда ты так говоришь, – сказала и отвернулась, чтобы не увидеть этой довольной улыбки, и спокойно пошла в направлении терминала, куда ее так любезно, взглядом, направил Алексей.

– Знаю.

Сава догнал ее в несколько шагов, и взял за руку, переплетя их пальцы. Больше ничего не говорил, хотя большего и не нужно было.

От простого касания рук, всем телом вздрогнула и оглянулась на него, заметила ту же реакцию и поняла, что в душе она этим удовлетворена. Что-то в мире оставалось неизменным, хотелось бы верить, что это их любовь и жизнь, но реальность такова, что пока постоянным было только это – их взаимное притяжение друг к другу. Будто магнитом тянуло, притягивало и не отпускало никогда. Могли существовать порознь, но в конечном итоге все равно встречались, виделись и срывались с цепи собственного самоконтроля, стоило только прикоснуться друг другу. Сцепить пальцы вместе, переплести и ощутить родное тепло руки, шершавой, знакомой на ощупь, тронуть едва заметный шрам. И весь мир отходил даже не на второй план, а на самый последний.

Они шли спокойно в окружении охраны, не обращая внимания на недоумение других пассажиров и сотрудников аэропорта. Молча дождались проверки металлодетектором, досмотра каких-то вещей и проверки документов. Вика не помнила, чтобы сама все это собирала, значит Сава, как всегда, обо всем побеспокоился.

Она шла и, кажется, снова перестала объективно оценивать реальность. Потому что тяжесть в груди и боль от потери родного человека притупилась, и на первый план выходил он, – ее Сава. Такой родной и привычный, знакомый в каждом своем жесте и взгляде. Необходимый, как воздух, вроде простое неорганическое соединение, но всегда с примесью чего-то сложного и не всегда полезного. Вот так и Сава, – простой человек, но это только на первый взгляд. Для нее он был с примесью таких эмоций, что этот коктейль становился просто убийственным. Невероятно необходимым, жизненно важным, – без очередной его дозы она могла сойти с ума. Но, и с ним рядом было не легче, особенно сейчас, когда ей казалось, что она не имеет права воровать этого времени у незнакомого семилетнего мальчика.

Вика не видела его живую, только фото, но и оно быстро из памяти стерлось, но точно помнила, что у ребенка взгляд отца, это ей в душу въелось. И каждый раз, видя Саву, она представляла себе маленького мальчика, папа которого уделяет время кому-то другому, а не ему.

Дети ведь все помнят, причем воспоминания, – они обрывочные, но эмоциональные окраски, чувства..., это помнят абсолютно точно.

Очень давно Вика была на месте того мальчика, когда ее папа променял семью на другую. Смешно, правда? Как можно одну семью променять на другую?! Оказывается, можно: легко и просто. И для папы она стала второй дочкой. Не любимой старшей дочкой. Не старшей и самой умной и красивой. А именно второй, по значимости. Большую часть своей сознательной жизни она жила с этой мыслью, что она вторая для родного отца, а может даже третья или

четвертая, если учитывать его вторую жену и ее собственную мать. Так что, она прекрасно понимала, что такие вот отцы делают со своими детьми, и как это больно жить и знать, что родной папа променял тебя на кого-то другого.

Только теперь ситуация абсолютно другая. Противоположная.

Теперь она первая и самая главная женщина в жизни любимого мужчины. И теперь она сама ворует его любовь и внимание у маленького семилетнего мальчика. И ее разрывает от собственных противоречивых эмоций. От боли за того ребенка и себя саму в его возрасте, от боли за Савино вранье, от боли и горечи за свои разрушенные мечты, от ярости и злости за разбитое сердце, и от любви к мужчине, что бережно, но крепко сейчас сжимает ее руку и ведет вперед за собой. Ее разрывает на маленькие кровоточащие куски от любви и боли, от горя и радости. Все смешалось и не понятно, как дальше быть. Что правильно, а что нет.

Вика давно потеряла ориентиры в жизни и пространстве, а все это время жила так, как просто привыкла, и не больше.

Она его ждала. Не хотела, но ждала. Всегда. И не знала, как дальше быть ей и ему. Не знала.

– Шеф, телефон, – Алексей догнал их и передал трубку Саве, кивнул Вике и снова отступил назад, замыкая их шествие.

– В чем дело? – Сава резко заговорил, потом остановился и перевел взгляд на Вику, кивнул, – Я понял, держи меня в курсе, но все пока будет на тебе. Не знаю, как смогу. Да, на связи.

Сава отключился, отдал рабочий мобильник Алексею и перевел на нее странный счастливый взгляд.

– Мариша очнулась, – выдохнул и улыбнулся, – Выкарабкалась, зараза такая, смогла!

Ее тоже затопила радостная волна, согрела душу, и Вика сама того не контролируя приблизилась к Саве и обняла его, вцепилась руками в его плечи, уткнулась холодным носом в шею.

– Я рада, она молодец, ей есть ради кого и чего жить. Она молодец.

Но момент был испорчен, и у обоих сердце тревожно замерло, когда у него зазвонил личный телефон, номер которого знали немногие люди.

Сава не стал ее отстранять от себя или отходить, только обнял крепче и ответил:

– Слушаю!

– Привет, дорогой, не занят? – этот голос она бы узнала из тысячи других, этот голос разрушил весь ее мир, и его она люто ненавидела, а обладательницу томного женского контральто с офигенными внешними данными была готова убить. Просто за то, что эта женщина существовала и приходилась Саве законной женой.

– Для тебя я всегда занят! – рыкнул Сава и крепче сжал на Викином теле свою руку, не обращая внимания на ее попытки вырваться и отойти.

Как он не понимал, что ей больно слышать этот голос? Как не понимал, что ее разрывает от зависти и черной ревности, что колотит только от одной мысли, что эта женщина имеет право ему звонить в любое время дня и ночи, и имеет право на более ласковый тон и слова?!

Она все же сумела вырваться и отвернуться от него с гордо расправленными плечами и высоко поднятой головой. Шла и не оборачивалась. И не важно, что перед глазами потемнело от ярости и обиды, что шла не знала куда, просто не видела ничего перед глазами и, если бы не Алексей, который аккуратно подцепил ее за локоть и повел в нужном направлении, она бы ушла и потерялась бы среди толпы людей.

Вика не слышала дальнейшего их разговора, запретила себе думать об этом. Понимала, что ревновать глупо и бессмысленно, но все равно засекала мысленно минуты их разговора. Сколько и почему так долго? Бессмысленная ревность. Сава ведь сейчас с ней, а не с той женщиной, значит...

И что это значит? Для нее лично ничего хорошего. Его присутствие не может вернуть их совместного счастливого прошлого. И было ли оно вообще? Было вранье. Наглая ложь во всем, что касалось его настоящей, а может и прошлой жизни. Вот, что у них было. И за это, большей и обидней в сто раз, чем за то, что он женат оказался.

В VIP-терминале, кроме них и охраны никого не оказалось. Только удобные диваны для пассажиров, ожидающих посадки. Видимо, было не слишком много желающих улететь в Гавану.

Это было их особое место. Красивая страна и шикарный город со своей историей и горожанами.

Именно там Вика поняла, что для нее обратного пути уже нет: она полюбила Савелия Шахова так, как никого и никогда прежде.

– Извини, я не думал, что она может позвонить.

Вика повернулась к Саве и мимолётно отметила для себя, что он попросил охрану отойти подальше, – ничего хорошего это не значило.

– Она твоя жена и может звонить тебе, когда ей захочется, – сухо заметила, и снова отвернулась от него, пряча глаза, их жгло огнем от набежавших слез.

– Мне нужно уехать, – Сава видел, как она содрогнулась и снова вся застыла камнем, но не решился пока подойти.

– Надо, значит, езжай, – все так же без эмоций сказала, сжала зубы изо всех сил, чтобы сдержать крик и не начать тут пошлую ревнивую истерику.

– Малыш, посмотри на меня, я не хочу делать тебе больно и не хочу уезжать вот так. Посмотри на меня.

Сава все-таки подошел к ней, попытался обнять, но она подскочила с диванчика и от его рук в сторону ускользнула, повернулась к нему лицом и смотрела раненым диким зверем, у него вся душа заледенела от ее голубых несчастных глаз.

– Она твоя жена, а я любовница, ты априори не должен передо мной оправдываться, – она выдавила из себя саркастичный тон и сглотнула ком в горле, конечно, она знала, что Сава видит ее глаза со слезами, но старалась сохранить хоть какое-то подобие спокойствия и достоинства.

– Брось, не принижай нас! Мы жили пять лет под одной крышей, одной семьей. Ты мне не любовница, ты моя женщина. То, что ты говоришь, – это обидно и подло. Это попытка меня оттолкнуть, но я никуда не уйду!

Она смотрела на него, но, кажется, уже не видела и не слышала. А потом что-то случилось, сорвало какой-то тумблер, и она вся побледнела и в несколько шагов подлетела к нему. Теперь она себя не сдерживала, и весь ее эмоциональный раздразнил начал выливаться на него. Вика стояла перед ним и тыкала в его грудь пальцем.

– Ты уже уходишь, Сава! – она обвиняла его, указывала на него пальцем и обвиняла, – Ты хотел поговорить? Мы говорим! Но тебе надо уехать, ведь у тебя есть жена и сын!

– В этом все дело? Что у меня есть сын?

– Нет! Нет! Ты... ты не можешь быть здесь со мной! Ты не можешь взять и уехать!

– Могу! Я привез тебя сюда, чтобы уехать, Вика, – он пытался до нее достучаться, но было бесполезно, она уже перестала доверять его словам, и вообще слышать.

– Ты по определению не свободен. Если бы я знала, я бы никогда... я бы никогда не позволила...

– Что? – перебил ее, и сам начал выходить из себя, видя этот ее обвиняющий взгляд, этот ее тон, – Войти в твою жизнь? Стать твоей семьей?

– Дело не в семье, как ты не понимаешь? – крикнула она ему в лицо, – Я улыбалась своей семье и нашим друзьям и говорила, что мы счастливы! Я жду тебя! Я ищу тебя! Я живу тобой! Я задыхаюсь, когда тебя рядом нет. Медленно умираю, дожидаясь тебя! Я твоя, до сих пор, ты меня контролируешь, следишь, и я остаюсь твоей. Я принадлежу тебе... – она задыхалась от

крика, облизывала пересохшие губы и снова начинала его обвинять в крике, глазами сверкала, яростно скрывая, как ей больно, – И все это ложь! Я не имею права все это чувствовать и говорить, потому что, я твоя любовница! Воровка! Разлучница! Понимаешь?!

Сава не выдержал ее взгляда и ее боли. Она каждым словом его на куски рвала, собственными руками, нежными пальчиками отрывала от него куски и выбрасывала куда-то. Каждым гребаным словом душу его через мясорубку пускала. И он сорвался. Его тоже перемкнуло, и он начал орать в ответ.

– А я твой! Ты контролируешь меня, и я принадлежу тебе! По-твоему, я хотел, чтобы все было так? Думаешь, я не хочу быть в твоих глазах единственным и лучшим, чем я есть на самом деле? – она его услышала и смотрела, распахнув глаза, впитывала в себя каждое его слово, – Я люблю тебя! Я в тебя влюблен! Ты любовь всей моей жизни. Мое настроение зависит от тебя, от выражения твоего лица. Я не могу без тебя дышать. Я не могу без тебя жить. Я жду и ищу тебя в толпе, всегда ищу тебя. Я живу ради тебя. Ты мой смысл, все, что у меня есть. Ты не жертва, Золотце, и не любовница. Я принадлежу тебе. Мы в этом вместе, всегда. Не смей говорить, что я сейчас вру. Не смей говорить, что это не так. Ты бросила меня, ты меня убила. Но я тебя люблю. Понимаешь?! Я не могу этого исправить! Я не могу исправить нашего прошлого, но я хочу, чтобы ты дала мне шанс все объяснить. Я не чужой человек, я заслуживаю хотя бы попытки все исправить, малыш.

Она молчала, смотрела во все глаза и даже не замечала, что по ее щекам катятся слезы. Вика думала над его словами, пыталась уложить их в голове и проанализировать.

– Я тоже люблю тебя! Я тоже в тебя влюблена, но этого недостаточно, Сава. Этого слишком мало. Мне мало. И я не стану тебя ни о чем большем просить.

– Почему?

– У тебя есть сын, которому ты нужен больше, чем мне, ему ты необходим. А я уже научилась без тебя быть, может когда-нибудь научусь без тебя жить.

– Дай мне время, уезжай, отдохни, а я приеду, как только смогу, и мы поговорим обо всем, – он подошел к ней и обнял за плечи, заглянул в стеклянные синие омуты, – Я приеду, просто мне нужно знать, что ты меня ждешь, и я приеду. Решу все и приеду.

– Я устала ждать, Сава, я так устала тебя ждать и верить, что еще что-то можно спасти, – Вика уткнулась в его шею, вдохнула любимый запах, и, будто, от этого набралась какой-то энергии или силы, оттолкнулась от него и отошла на два шага назад, кивнула, – Хорошо, я уеду, мне есть, о чем подумать. И я буду тебя ждать, но Сава, если ты не приедешь, я перестану тебя ждать, и возвращаться будет уже не к кому.

– Спасибо, малыш, спасибо!

И он бы ее поцеловал. Обнял. Только она не собиралась ему этого позволять. Развернулась и побрела, куда подальше от него.

– Шеф?

Леха подошел тихо.

– Полетишь с ней, удовлетворишься, чтобы ничего не случилось, а потом скажешь, что уезжаешь обратно, но останешься там и будешь приглядывать, ясно?

– Окей, шеф, понял.

– Незаметно, Леша, это главное, иначе уволю нах*ен!

– Все сделаю, шеф!

– Чего ты тогда стоишь? Иди, догоняй! – рыкнул на подчиненного, а сам следил за тем, как она все дальше уходит.

– Так, а Вы остальных заберете? – протянул парень с сомнением.

– В чем дело? Говори!

– Может, давайте на самолете полетите, а то ребята столько за рулем, устали все равно же, зачем рисковать?

- Нет, там с пересадкой в Минске надо, я больше времени потеряю.
- Понял, тогда ребята с вами, а я пошел.
- Иди.

Если б Леха только знал, как его шефу сейчас хреново, что бы он сделал? Интересный вопрос, но ответ не слишком важен. Сава и так знал, что бы сделал он сам, если бы не сын.

Ладно. Пока нужно попытаться что-то решить. И нажать на Таню, Маришка пришла в себя, значит, у той будет меньше работы, и она сможет уже до конца разобраться с его разводом.

ГЛАВА 4

Сейчас. 2017 год. Москва.

– Скажи, ты когда-нибудь думал, что мы окажемся в такой ситуации?

Молодая красивая женщина расхаживала по его кабинету, цокая своими каблуками, и неимоверно раздражала его этим звуком, но он был бы не он, если бы одернул ее. Прекрасно знал, что стоит только потерять терпение с ней и «тушите свет»,— его планы накроются, во всех смыслах.

– Мы оказались в такой ситуации исключительно по твоей вине, так что... я предполагал нечто подобное рано или поздно.

– А что ж не подготовился?

– Мне тебе напомнить, что есть одна бумажечка, которую ты подписала очень давно, и что в ней говорилось?

– В свою очередь, я могу напомнить тебе кое о чем другом, от чего твоя бумажечка не защитит Ее!

Бешенство, кислотой опалило внутренности, узлом его всего скрутило, но Шах зубы сцепил так, что желваки проступили, и всё же смолчал. Злить эту змею, себе дороже, а вот послушать и понять в чем ее выгода и план,— другое дело, только бы выдержки хватило. И так последние месяцы он спокойствием не хвастался: собственные люди, сотрудники и охрана возле него на цыпочках бегали, чтобы не дай бог не нарваться на гнев, а тут Вика, бабушка ее, Маришкины проблемы. Плюнуть бы на все и уехать к Золотцу, отдохнуть, наконец, и чтобы только они вдвоём во всем мире имели значение.

– Ира, дорогая, давай ты не будешь мне угрожать? Я терпением никогда не отличался, ты же знаешь, вдруг, да решу радикально избавиться от всех своих проблем?

Его голос звучал тихо и спокойно, но она прекрасно знала, что орать Шах не любил, и предпочитал не предупреждать никого из своих врагов «боевым кличем» перед атакой. И этому предупреждению ей лучше внять.

– Угрожаешь матери своего ребенка?

– Я угрожаю суке, которая прикрывается мной, как щитом от настоящего отца своего ребенка.

– Это все из-за этой...? Она миленькая. Не в твоём вкусе, слишком замороченная, мне кажется.

– Твоего мнения я не спрашивал. Что ты хочешь от меня сейчас?

– Ты знаешь, что я хочу.

– По этим вопросам ты можешь обращаться к Артему, но ты сдернула меня с места. И я хочу знать зачем?

– Ты был с ней, да? Я оторвала вас от чего-то интересного? – Ирка пошло ему подмигнула и облизала губы. Похотливая шалава, как была ею, так ею и осталась, и материнство ее не изменило.

– Мне еще раз повторить свой вопрос?

Видимо, в его глазах что-то таки промелькнуло из того, что он сдерживал внутри себя. Ирка споткнулась, застыла и вся сжалась, позволила страху отразиться в ее глазах, но она так же, как и он, давным-давно научилась притворяться и никому не показывать свои истинные эмоции. Она отвернулась от него, расправила плечи, выпрямилась и, ледяным тоном произнесла:

– Мне нужны документы, ты знаешь, а еще деньги.

– Сколько?

– Пять миллионов будет достаточно.

– Долларов?

– Я что, идиотка? Евро, конечно! – она возмущенно воскликнула и посмотрела на него обвинительно, – Ты же так хочешь получить развод, – это моя цена за твою свободу.

– Как-то ты продешевила, дорогая, и мне кажется это подозрительным.

А глазки то у змеи заблестели и забегали. От страха забегали. Шах нутром чуял, что дело не чисто, по глазам этим отвратительным видел: недоговаривает паскуда.

– Хорошо, – он кивнул, откинулся свободно в кресле, расслабленно улыбнулся, – Деньги будут через неделю, переведу все на твой счет.

– Нет! – Ирка сорвалась, крикнула, но потом опомнилась и снова надменно ему улыбнулась, – На старый счет не стоит, лучше на новый... и по новым документам.

– Я дам тебе не просто деньги, Ира, я заплачу за свою свободу от тебя и от твоего дерьма. Я не буду больше тебя спасать. Не будет больше никаких просьб и новых документов. Ты подпишешь все нужные мне бумаги и исчезнешь с горизонта, поняла? А если появишься...

– И что ты сделаешь?

Женщина пребывала в полной уверенности своей безопасности, только она ошиблась. Переступила ту грань, где он, по отношению к ней, еще мог оставаться человеком. Теперь она была для него «мусором» – фактором, что отвлекал его от главной задачи.

– Ты же не такая дура, чтобы думать, что я не знаю, чей это сын, правда? Ты же не думала, что я влезу в такую заварушку и не поинтересуюсь личностью твоего последнего клиента? Я следил за его жизнью, знаю, где он сейчас, сколько денег он потратил на твои поиски, точнее на поиски своего сына.

– Ты не мог!

– Ох, Ира, Ира, – он покачал головой и широко улыбнулся, не скрывая оскала, – Я был терпелив к тебе, и ты знаешь причину. Но, прежде всего, я почему-то до сих пор видел в тебе ту девчонку, что встретил очень давно, и мне было ее жалко. Кажется, я был бОльшим человеком, чем мы все думали. Но ты посягнула на...

– На святое, да? И что ты сделаешь? Я держала тебя за «яйца» столько лет, потому что ты несешь ответственность и защищаешь не только себя, но и Сашку. И где она сейчас? Живет и радуется? Собирается замуж?

Шах весь подобрался и заледенел от страха. Откуда эта тварь знает?

– Я тоже много чего знаю, Сава. Как думаешь, что будет, если кто-то из друзей будущего мужа Сашки получит письмо с интересными фотографиями или видео? А? Что будет со свадьбой твоей дорогой Сашеньки?

У него мышца на виске задержалась, и сердце бешено заколотилось, кровь кипела, а ярость и гнев требовали выхода. Сам бы придушил эту тварь. Своими собственными бы руками придушил ее. Но Шах не позволил улыбке сползти с лица, только теперь она стала презрительной.

– Мы можем отлично провести время, угрожая друг другу, но ты денег не получишь, если я услышу еще хоть слово о Сашке, и плевать мне, что потом будет, поняла меня? Я сам позвоню Маге и скажу, где ты и его сын. Сам его встречу и сам привезу к тебе, где бы ты ни была. И сам буду смотреть, как он тебя на куски режет. Буду смотреть и улыбаться. Ты будешьдохнуть, а я буду улыбаться.

– Когда Мага узнает, что ты мне помогал...

– То мы решим это между собой, – у мужиков, знаешь ли, все гораздо проще. Я вляпался по незнанию, защищал свою семью. И для восточного мужчины это будет аргументом – семья. А вот ты его семью украла. И кому из нас будет хуже?

– Ты не посмеешь! Он... я... я мать его ребенка!

– Ты тварь, которая украла у него ребенка и не важно, чем ты думала в тот момент. И если ты еще раз появишься в моей жизни...

– Он заберет у тебя все! Все! У тебя ничего не будет! – Ирка начала кричать на него, а он улыбался и смотрел на нее, – сейчас она его веселила, – Ни этого ресторана, ни твоего бизнеса, ничего.

– Пусть заберет, мне даже легче станет, давно хотел все продать и купить домик где-нибудь подальше отсюда.

– Ах да, и счастливо заживёшь со своей шлюшкой в какой-то деревне: будешь сажать огород, а она доить коз, ну а в перерывах вы будете трахаться. Точно. Это твоя голубая мечта?

Сава в два шага подлетел к ней и, не сдерживая своего гнева, отвесил ей пощечину. Рука горела огнем, он только досадливо сплюнул на пол. Все-таки замарал руки об эту тварь. Схватил ее за ворот дорогого жакета и стиснул так, что ткань в его руках затрещала.

– Не зли меня, детка, своим дрянным язычком, иначе живой ты отсюда не выйдешь! Усекла?

И снова спокойный и, лишенный эмоций голос, холодное безразличие в глазах, но наливающаяся краснотой щека Иры была доказательством того, что еще чуток и тут будет валяться остывающий женский труп.

Ирка зло сверкала глазами, но помалкивала. Ума, видимо, прибавилось за последнюю минуту.

– Я дам тебе денег и документы, ты подписываешь все, что мне нужно и катишься на все четыре стороны, поняла? И молись, чтобы Мага не нашел тебя раньше, чем ты успеешь спрятаться.

Ирка затравленно кивнула и попятилась к дверям. Она повернулась к нему спиной только тогда, когда ощутила телом стену и косяк двери. Застыла и, не поворачиваясь, спросила:

– Почему ты так? Ты никогда не бил меня! – ее обида в голосе и горечь уже давно перестали трогать что-то внутри него, но он посчитал нужным ей ответить.

– Ты разрушила все, что у меня было. Тянула из меня жилы и не обращала внимания на мои слова. Я говорил: дай развод. Я говорил: терпение неечно. Я говорил: не лезть к моей женщине. Ты плевала на мои слова. Я слишком долго оплачивал тебе за то, что было сто лет назад. А ты, в благодарность за поддержку, вонзила мне нож даже не в спину, а в сердце, – на куски его порезала. Но я терпел. А сейчас терпение кончилось, и ты сама виновата.

Ирка не стала ничего говорить, просто ушла, и дверь за собой закрыла. А Шах, наконец, смог руки из карманов вытащить и увидеть, как они дрожат.

Он никогда не бил женщин, никогда. И он не получил удовольствия от того, что сделал, но и стерпеть ее слов просто так не смог.

Ирка слишком долго тянула из него все: нервы, деньги, эмоции. А он позволял ей это делать, пытался защитить тех, кто дорог. Теперь что? Сашка? У Сашки все зашибись просто, нашла себе парня и скоро выйдет замуж. Говорит, что он ее любит, а если любит, значит примет любой, всякой.

Такой должна быть любовь. Такую он сам переживает и чувствует. Свое Золотце он любит всякую: сломленную, убитую, раздавленную, веселую, – любую. Он любит ее без детей... и с детьми любить будет. Любит ее со всем прошлым. Со всей ее чокнутой семьей.

Вопрос в том, будет ли она любить его, когда узнает то, что он скрывал и старательно прятал о своем прошлом? О том, что не знают ни Артем, ни Марина?

Жил на краю... Сейчас жил на краю, когда в любой момент мог сорваться и самому себе не мог сказать, что будет.

Но руки продолжали трястись, а кровь бурлила от ярости и адреналина. Пульс барабанил в ушах так, что башка раскалывалась. И дышал с трудом, насильно пропихивал воздух в легкие, чтобы не сдохнуть к чёртовой матери.

Ему нужна Таня и Маришка.

И если одна находилась в получасовой доступности, то вторая была на отдыхе: медовый месяц, чтоб их всех!

Но толковый экономист, бухгалтер и аудитор в одном лице ему был жизненно необходим. А еще юрист или лучше даже адвокат.

Деньги были, но не столько, в свободном доступе. Он, бл*дь, не хр*нов олигарх. Придётся выводить деньги из оборота, а потом думать где их взять, чтоб все не рухнуло в задницу.

– Сава?

Артем стоял в дверях и, не боясь нарваться на гнев шефа, зашел в кабинет и прикрыл дверь. По его лицу Шах понял, что еще не все дерьмо на сегодня глотнул.

– Что? Говори!

– Грознин умер два часа назад.

– Вика знает?

– У нее отключен мобильник, Максим дозвонился мне.

– Ясно. Дозвонись Лехе и пусть пока у Золотца мобильник продолжает быть отключен.

– Может лучше...

– Я тебя не спрашивал, что лучше. Я ей сам скажу.

– Это ее ломает.

– Поэтому я ей сам скажу.

– Поедешь в аэропорт?

– Сначала к Тане, потом в аэропорт. Пусть красавицы мне билет закажут.

Артем ушел, а Шах так и остался стоять посередине кабинета.

Это ее ломает.

Что бы сама Вика не говорила про чувства к этому ничтожеству, как бы сильно он ее не обидел в прошлом, Грознина она знала с детства, с пеленок почти. Большую часть сознательной жизни провела рядом с ним, была влюблена в него и хотела за него замуж. Любила первой детской влюбленностью, считала другом, несмотря ни на что.

Эта смерть может ее сломать.

И плевать на все, Сава должен сказать ей сам, лично. И быть рядом.

Сейчас. 2017 год. Гавана, Куба.

– Сеньора, Виттория, что-то еще нужно?

Вика отвернулась от окна и зрелища: здание местного Капитолия очень по виду напоминающий американский, было заполнено людьми: шла подготовка к одному из самых больших праздников Кубы. Día de la Independencia – День независимости Кубы, когда местный герой Карлос Сеспедес освободил рабов и стал бороться с испанцами. Что самое интересное, кубинцы до сих пор говорят на испанском, хоть и победили их очень давно, – возможно они так и не сумели до конца стать свободными?!

– Нет, Паула, спасибо!

– Mi amor, сеньора, ждать ли нам гостей к ужину? Сеньор Савелий не приедет?

– У сеньора дела в Москве, боюсь, он к нам не присоединится.

Довольно привлекательная женщина среднего возраста, загорелая, с шикарной фигурой: молодые девушки, гонящиеся за формами, за такую убили бы или сдохли от зависти, а мужчины оборачиваются Пауле вслед и отвешивают комплименты, хотя в Гаване, как и на всей остальной Кубе всегда и всем отвешивают комплименты. Не всегда они отличаются изяществом слова или красотой, но такой у народа менталитет – комплименты женщинам, а особенно

туристкам, обязательны. Паула и ее муж Пабло присматривали за этой квартирой, когда она и Сава не бывали тут.

Не спрашивала никогда, как Саве вообще удалось ее приобрести, просто приняла как факт и познакомилась с этой семейной парой в первый свой приезд сюда.

Они были милыми людьми, вежливые и смешливые. Когда эта пара оказывалась рядом, сразу становилось понятно, что между ними любовь, настоящая и чистая. Они поженились сразу, после знакомства, но Бог не дал им детей. Вика никогда не интересовалась, как Паула пережила эту новость, тем не менее, супруги казались счастливыми и так. И заботились о ней и о Саве, как могли и умели, отдавали свое душевное тепло им и этой квартире. Хотя Вика и могла себе представить каково это хотеть дать своему человеку все, что можешь, отдать всю себя, но при этом не иметь возможности сделать любимого отцом.

На этом острове все было пропитано вкусом свободы, жаль, что все пришло в упадок, экономики как таковой и не существовало долгое время, и еще неизвестно, когда все пойдет на лад...

У сеньора дела в Москве. Так она ответила, а саму изнутри выжигала насквозь, кислотой, ревность. Жгучая и болезненная, которую не задавишь просто так силой мысли и желания, не убедишь себя, что ты не имеешь права на все это: на любовь, на ревность, на страсть.

В глубине сознания и в душе только одна мысль: он мой! МОЙ!

И кричать хочется от всего, что внутри бурлит! Яростно заявить на него свои права и не отдавать никому и никогда. Потому что он – ее! Всегда! Во всем! Только для нее!

Так Вика считала два года назад. Жила этими мыслями, дышала ими в полной уверенности, что нашла свое счастье, и уже никто и ничто не сможет его разрушить.

Ошиблась. Очень больно и горько ошиблась.

И не пережила до сих пор. Не отпустила. Мучилась, страдала без него. Задышалась по ночам от собственного крика и стога, от тоски по нему загибалась. Мира не замечала вокруг себя, все по инерции делала и жила.

У нее не находилось слов, чтобы самой себе сказать: хватит! Прекрати!

Не было аргументов, которые смогли бы задавить эту поганую боль за грудиной, которая сдавливала с каждым новым днем сильнее, душила ее.

Она бы хотела забыть все, и не знать каково это – любить Шаха. Быть его женщиной. Чувствовать себя его женщиной.

Вика не будет снова плакать по нему. Не сейчас.

Ей нужен перерыв. Маленький перерыв, чтобы прийти в себя и понять, чего она хочет для себя и от себя.

Ее бабушка умерла и оставила в Викиной душе дыру, которую уже никто ничем не сможет заполнить, будет только тоска и воспоминание о светлом и сильном человеке. Вика это понимала, и давно готовила себя к мысли, что однажды ее бабушки не станет. И вот момент наступил, а она сбежала от родственников с любовником, отключила телефон и пока не намерена его включать, чтобы не слышать голоса теток и сестер, которые уже начали делить наследство.

Семья у нее странная, что тут еще можно сказать. Со стороны отца уж точно все готовы друг другу глотки рвать за лишней «кусочек пирога» семейного бизнеса.

Она в этом участвовать не собиралась. И бабушка ее желание уважала, поэтому в завещании обещала Викиного имени не упоминать.

Хорошо здесь, у нее душа оттаивала в этом месте, в этой квартире. Она хранила так много светлых и полных любви воспоминаний, была вся пропитана теплом и уютом.

– Виктория Леонидовна, я поехал тогда?

Лешка заглянул в ее спальню, улыбнулся открыто.

– И куда ты Алексей собираешься?

– Так в Москву, – мужчина пожал плечами и смотрел на нее честными глазами, а она дурочка должна была поверить.

– Леша, я твоего босса, как себя знаю, и ты предлагаешь мне поверить, что он оставит меня в чужой стране одну, без охраны?

– Ну, Виктория Леонидовна, что Вы мне всю конспирацию к чертям ломаете?

– Оставайся тут, Паула тебе комнату уже готовит. Конспиратор тоже мне, я Шаха знаю получше, чем ты.

– Тут Вы правы, я не спорю.

– Ну, так иди и звони, отменяй, что ты там уже снять успел.

– Понял, сделаю, босс!

– Я не твой босс.

– Нет, Вы лучше: Вы женщина моего босса! Поверьте, это намного лучше... или хуже, смотря с какой стороны смотреть.

У нее сердце в пятки ушло, и дыхание из груди вышибло.

Конечно, все люди Шаха знали ее в лицо, все его партнеры и недруги знали ее в лицо. Знали, кто она и кем для Шаха является. Он не брал ее на свои «встречи», но на большинстве официальных мероприятий она сопровождала его всегда. И точно помнила, как ее воспринимали по началу: с насмешкой и презрительными улыбочками, скрытыми за добродушными взглядами. Ее считали капризом Шаха, игрушкой. И только потом поняли, как сильно ошиблись. Осознали, что он любого зубами порвет, если кто-то просто произнесет ее имя не с теми интонациями.

Леша говорил уважительно и относился к ней так, как относился к самому Шаху. И был с ней искренним в своем желании поднять настроение или как-то попробовать наладить отношение между своим боссом и его женщиной.

– И с какой стороны ты смотришь?

Леша долго молчал, а потом расплылся в дурацкой мальчишеской улыбке, не характерной для взрослого мужчины его лет.

– А я смотрю со всех и сразу: работа у меня такая, – а потом он расхохотался и ушел искать Паулу, и Вика еще долго слышала его смех в дальних комнатах.

Это хорошо, что Пабло и Паула говорили по-русски, а то испугались бы такого ржача от мало знакомого человека при оружии.

После сытного ужина и разговоров ни о чем все разбрелись по комнатам спать. А вот ей, как всегда не спалось.

Вика целый день и последние недели не работала, не пахала как проклятая до рези в глазах, не пропадала на своих тренировках, доводя мышцы до болезненных судорог. Поэтому плохо спала. В Москве, после такого дня вырубалась от усталости, только до кровати успев доползти, а тут не могла уснуть.

Ворочалась с боку на бок, мостилась.

То подушка не так, то одеяло мешает спать, и жарко. Скинула. Теперь стало без него холодно. Она вообще из тех людей, которые в + 20 за окном спокойно спят под теплым одеялом, и в носках еще, бывает, теплых.

Мерзлячка.

Сава ее грел своим телом. Доводил до такой жаркой температуры своими поцелуями и ласками, что Вика боялась стореть.

А теперь мерзла второй год подряд и не могла согреться даже под двумя одеялами и в вязанных носках.

У нее душа без него мерзла.

Замерзала, покрывалась инеем, как при сильном морозе. Становилась стеклом, покрытым морозными узорами: холодным, но красивым. Такой становилась ее душа или то, что от нее осталось. И если сильно ударить по этому стеклу, оно разобьется на осколки, а если их собрать потом заново, тщательно склеить... оно будет изуродовано шрамами-трещинами.

Иногда думала, что уже у нее давно все отболело и больней быть не может, а потом ее скручивало узлом, выворачивало наизнанку, кишками наружу, и понимала, что может быть и больней.

Первые полгода она злилась. Было больно, но все чувства были приглушены ее злостью и яростью, обидой. Потом стало гораздо больней от тоски по нему, от нужды в его постоянном присутствии. И Вика стала бороться сама с собой, все равно, что с ветряными мельницами борьбу затеяла. Но упорно шла к своей цели, к борьбе с собой.

Запрещала думать о Саве.

Вспоминать его.

Никто из знакомых и друзей не спрашивал ее о нем, все делали вид, что Шаха в ее жизни не существовало. Пожалуй, только Маришка была исключением и Артем еще, – они могли себе позволить что-то сказать или убедить ее, но она делала вид, что оглохла. А может, и в самом деле, была глуха к их словам.

У Вики выработался условный рефлекс на имя Шаха: слышит его, и все, – сознание отрубается, пытаюсь себя само защитить.

Спустя год она могла о нем говорить и даже шутить сама с собой.

Дохла от тоски, почернела вся, будто та вдова, что похоронила мужа. Не слушала никого, пока Тимур не назвал ее дурой:

– Ты дура! Ты даже вещи его не выбросила, они так и стоят, а ты живешь в этом доме и ведешь себя, как вдова! Ты не вдова – ты дура!

Таких слов от племянника она не слышала никогда в свой адрес. Но в сознание они ее привели лишь частично. Вещи так и остались на своих местах, а она стала думать и вспоминать все, что было между ними и пришла к выводу, что Сава ТУ женщину не любит, и женат по каким-то другим, только ему одному известным причинам.

Про ребенка она думать боялась. Про его сына.

Никак не могла в голове у себя уложить, что Сава отец. Отец.

Она знала его. Чувствовала всей кожей, нутром, кровью. Знала его. И поверить не могла, что Сава... ее Сава может быть настолько безразличным к своему ребенку.

Ведь он был с ней. Постоянно. Уезжал неохотно и всегда ненадолго. Они жили вместе столько лет и... Вика видела, как он относится к ее «бешеным» племянникам, как обожает сына Маришки – Илью. Неужели этот мужчина мог быть настолько паскудой по отношению к своему сыну?

Вика думала об этом постоянно и выводы делала неутешительные: те, что сделали ей гораздо больней, чем было до этого.

Она не простила ему ничего, но поняла, что он много что скрывал, и это ранило, рвало ее на куски, покрывало уродливыми трещинами всю их любовь и доверие.

Сава ей не доверял. Или просто не верил.

Почему? За что?

Это она хотела у него спросить здесь. Но видимо, не судьба.

Только простить, что он женат и с ребенком намного проще, чем простить его недоверие.

Сава знал о ней все. Все ее тайны, нелицеприятные подробности – все знал. Пусть Вика никогда не кричала ему, что любит, не клялась в этом, но ее доверие к нему было безграничным, всегда и во всем.

Она верила в них. Верила. И свою жизнь, и свободу ему доверила, а получила взамен заветные слова «люблю тебя» и лживую игру в доверие и семью.

Этого она не простила. От этого не могла уснуть сейчас. Снова начинала думать и гадать, искать причины в себе, потом в нем. И никак не могла найти ответа на свои вопросы, не могла найти причину.

Недоверие ее убивало. Душа гнила из-за этого, становилась черной и отвратительной.

Но Вика все же уснула к утру, а разбудила ее Паула:

– Сеньора, Виттория, звонит Ваш брат.

Женщина притащила в спальню старый проводной телефон и поставила на тумбочку возле постели и протянула Вике трубку.

– Привет, – хрипло сказала, прокашлялась, – Макс, ты там?

– Вика, Толик умер, – опустошенно прозвучал его голос.

Больней быть уже не может, правда?

ГЛАВА 5

Сейчас, 2017. Москва.

Про Шаха, в свое время говорили всякое, и многие погорели именно на том, что болтали лишнее. Сава своих должников никогда просто так не отпускал. Об этом знали и предпочитали не рисковать. Бывало, конечно, что его вынуждали принимать жесткие меры и ответные действия, но сам по себе Шах жестокость не уважал и не испытывал никакого кайфа.

Его люди об этой позиции знали, а также знали, что за их «проколы», – неважно в каком деле они заняты, – он будет жестко спрашивать. И, неважно, сколько лет этот человек на него проработал, был ли предан все это время или сливал нужную информацию тем, кто больше платит.

За свои косяки его люди всегда отвечали перед ним лично, в крайнем случае, отвечали перед Савицким, – Артема парни побаивались откровенно, а вот перед Шахом трусили тайно, потому что в гневе босс был на расправу скор.

Леха, который должен был быть сейчас под жарким солнцем Кубы, куковал перед закрытой дверью большого лекционного зала, переминался с ноги на ногу и ждал, надо сказать, справедливой расправы.

– А теперь еще раз. Как, твою мать, ты проворонил стационарный телефон? Леха, ты ж опытный человек, а не молокосос зеленый!

Шах стоял, как всегда идеальный: черный костюм тройка, черная рубашка. Зачесанные назад темные волосы делали его лицо хищным, молодые студенточки (пока он с показным спокойствием шагал к аудитории) на него заглядывались, призывно улыбались и подмигивали. Второй курс, может, те, что постарше, прекрасно знают, к кому может прийти такой мужчина. А эти... курицы малолетние слетались на опасность, думали усмирить «зверя» так легко.

У него все внутри горело. Кипело и обжигало кишки и желудок. От всего сразу.

Шах уже был в аэропорту и почти сел в самолет, когда до него дозвонился Алексей и сказал, что Золотце уже в Москве и на работу уехала.

Он ошолбенел от этой новости.

И как это понимать? Она не стала его ждать? Передумала? Не захотела больше его слушать и решила раз и навсегда?

Многие бы удивились, если бы увидели его в тот момент.

Одна минута слабости могла стоить ему жизни и не только его собственной.

Те пару минут, что он не знал, почему она уехала, его не дождавшись, были самыми страшными в Савиной жизни. Они его почти сломали. Разорвали на куски, и он остался даже не один на один с самим собой. Его просто не стало на эти пару минут. Не стало, потому что Она перестала его ждать.

У него в глазах потемнело, и сердце остановилось, а во рту была такая горечь, что тянуло блевать от этого гребаного привкуса тлена.

Шах чуть не скончался от мысли, что Его Золотце перестала его ждать. Что это конец, и он ничего уже не исправит. Что ее больше никогда не будет в его жизни. А если так, то и жизни у него, по сути, не будет.

Но Шах не был бы собой, если бы не сумел опомниться и сопоставить факты.

Он подстраховался, но не со всех сторон. Забыл, какой Макс настойчивый, если дело касается сестры. Нашел и дозвонился, сообщил «радостную» новость и плевать хотел, как она может отреагировать. Иногда Сава думал, что ее брат свою сестру совсем не знает... потому что, если б знал, не стал бы бить снова и снова по больному месту.

– Сава, это рано утром было, спали еще все, а Паула... она ж по телефону может часами трещать, мне и в голову не пришло, что на стационарный может не кто-то из местных звонить...

– Ясно. Как она?

– Собралась за десять минут, и мы уже в аэропорт ехали ... а потом...

Леха глаза в сторону отвел, и рожа каменная стала.

– Что потом?

– Спросила, не знаю ли я, куда делся ее мобильник, мол, она его отключила, а куда дела не помнит.

Это был камень в его огород. Золотце прекрасно знала, что Сава охранника будет обо всем спрашивать и таким образом передала ему большой «привет».

Она уже готова к встрече, Шах в этом был уверен. Одеда свою броню и стала непрошибаемой, как в первые дни их знакомства: вежливая и обходительная до оскомины в зубах, но абсолютно чужая и холодная, как зима. Ему потребовалось время тогда, и еще больше времени и сил потребует сейчас.

– Ладно, иди, внизу нас подожди, а потом поедем домой.

– У нее еще...

– Она поедет домой, Леха, так будет правильно.

– Я не уверен, что ты знаешь, как будет для нее правильно, Шах.

Больше охранник ничего не сказал и пошел от греха подальше, пока не схлопотал за лишние слова.

А Шах, вдохнув поглубже, открыл дверь и зашел в огромный лекционный зал. Его, из студентов, мало кто заметил: они сидели и слушали то, что им говорил их преподаватель. Судя по всему, это были первогодки. Первачков, его Золотце, по-особенному любила, говорила, что из них можно вылепить, как из глины то, что захочешь, и была, в этом, права...

Она его заметила, даже сбилась со своей речи, запнулась на секунду, но ей было и этого достаточно.

Он появился, и она пропала. Всем своим существом и нутром потянулась к нему, и не будь у нее стальной воли она бы разревелась, как дура, прямо на середине своей лекции. Но нет, так не будет.

Сава был не прав, и она собиралась ему это наглядно продемонстрировать, а пока ее главная задача: закончить лекцию без всяких эксцессов.

Шах ее глазами пожирал, впитывал в себя этот образ, потому что дико соскучился, будто не видел ее целую вечность, а не каких-то пару суток, но, кажется, все между ними снова изменилось и снова не в лучшую сторону.

Она была презрительно холодная в своем шикарном брючном костюме и ботильонах на высокой шпильке.

Удивительно, но этот черный, насыщенный шелковый, – был ей к лицу. Строгий пучок на затылке и белый халат, прикрывающий этот безумно притягательный цвет на ее теле.

Золотце читала лекцию, зорко поглядывая на своих слушателей, и восхитительно элегантно жестом проверяла время на наручных часах до окончания пары.

Она была собрана и готова к борьбе, и Сава этим зрелищем бы восхитился, если бы не знал: бороться она собралась с ним.

Тогда, 2010 год. Москва.

Эта красавица не выходила у него из головы, даже, спустя неделю. Он решал проблемы, встречался с людьми, снова решал проблемы, окунался в дерьмо по самую маковку и спокойно «плыл» в этой грязи дальше, минуя на своем пути таких же акул, обитающих на самом дне, таких же, как он, вырвавшими зубами из чужой пасти свой кусок «пирога».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.